

Subject: ГЕНРИХ ШТАДЕН->ЗАПИСКИ О МОСКОВИИ->ИЗДАНИЕ 1925 Г.->ЧАСТЬ 3
Attachments: text3.htm, primtext3.htm

Ваш браузер не поддерживает фреймы.

Восточная Литература

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

[Главная](#) [А](#) [Б](#) [В](#) [Г](#) [Д](#) [Е](#) [Ж](#) [З](#) [И](#) [Й](#) [К](#) [Л](#) [М](#) [Н](#) [О](#) [П](#) [Р](#) [С](#) [Т](#) [У](#) [Ф](#) [Х](#) [Ц](#) [Ч](#) [Ш](#) [Э](#) [Ю](#)
[Я](#) [Документы](#)

ГЕНРИХ ШТАДЕН

ЗАПИСКИ О МОСКОВИИ

III.

Страна и правление московитов. (л. 1 — 50).

/1/ Страна и правление московитов, описанные Генрихом Штаденом.

/2/ Пресветлейшему, вельможнейшему и непобедимейшему Римскому императору, королю венгерскому и чешскому, нашему всемилостивейшему государю. — Великого князя на Москве правление и всей страны описание, как в ней во всякого рода случаях и обстоятельствах управляются и живут, мною Генрихом Штаденом с поспешением и коротко, но беспристрастно записано.

/3/ В Русской земле на Москве у великого князя было много фюрстов или князей (Knesen), у которых были особые, им выделенные области, города, дворы и деревни. А именно: князь Владимир Андреевич, князь [Иван] Дмитриевич Бельский, князь Михаил Воротынский, князь Никита Одоевский, князь Андрей Курбский, князь Василий Темкин, князь Петр Шуйский и еще много других князей; еще Иван Шереметев, а также Турунтай, Алексей и его сын Федор Басмановы, Иван Мстиславский и много других таких же начальников высокого чина.

Они постоянно ходили войной — особенно против извечного врага Русской земли, царя крымского. Для того ежегодно из их среды избирались пять особых начальников, и каждый начальник имел отделенные ему поместья, уезды (Gebieten) и города. Остальные князья и бояре (Knesen und Boiaren) владели поместьями по смотренному списку.

Пятый [полк] в середине был главным над четырьмя остальными и этот большой полк представлял собою особу великого [79] князя. Когда на них напал враг, то каждый из этих пяти полков оставался при своем начальнике. Выступая против врага, один полк становился впереди; другой — по правую; третий — /об./ по левую руку. Четвертый

полк был последним или самым задним. Какой бы из этих полков ни натыкался на врага, он становился передовым — по приказу воеводы (Woywoda), посылавшего туда голову (Heuptmann). А все остальные, посылая начальнику [передового полка], буде нужно, помощь людьми, сохраняли свои места, чтобы враг не смог сломить боевого порядка с флангов или с тыла или чтобы воевода большого полка не потерпел обиды.

Как эти военачальники, так и другие им подобные бывали правителями (Gubernatores), воеводами или наместниками в особых областях с городами — "уездах" (Gebieten in Lande) и сменялись каждые два года. И все их прегрешения, преступления, постыдные дела, всякое людодерство и насилие — все, что причинили они купцам и мужикам, да и забыли! — все это выносили наружу те, кто приходили им на смену.

У них были писанные судебники, по которым они должны были судить. Но это забывалось!

Были затем бояре высоких родов, которые судили, сидя на Москве; в своих руках они держали /4/ все управление. В каждом судебном приказе и во всех других приказах сидел тот или иной князь или боярин и, что приказывал он дьяку (Canzeler) писать, тот так и писал.

Иван Петрович Челяднин был первым боярином и судьей на Москве в отсутствие великого князя. Он один имел обыкновение судить праведно, почему простой люд был к нему расположен.

На Казенном дворе (auf dem Schazhofe) сидели Микита Фуников, Хозяин Юрьевич (?) Тютин и дьяк Григорий Локуров. Они получали все деньги — доходы страны — из других приказов и опять пускали их из казны, каждый по своему усмотрению. Всячески утягивали они от простонародья третью деньгу (den dritten Pfennig) и хорошо набили свою мощну. Однако, отчеты представляли великому князю в полном порядке.

Микита Романович: сидел в приказе подклетных сел (auf der Canzelei der Pottkletein Coeli): это те села (die Hofe), которые служили для содержания дворца. Как он там хозяйничал, о том не толковали. Причина: он был шурином великого князя. **[80]**

В поместном приказе (Landcanzelei) сидели Путило Михаилович и Василий Степанович. Оба они хорошо набили свою мощну, ибо им одним была приказана раздача поместий /об./: половину нужно было у них выкупать, а кто не имел, что дать, тот ничего и не получал.

Иван Григорьевич был в Разряде (Krigscanzelei). Те князья и бояре, которые давали денег в этот приказ, не записывались в воинские смотренные списки (Krigsmusterregister), а кто не мог дать денег, тот должен был отправляться [в поход], даже если ничего, кроме палки, не мог принести на смотр. В этом приказе ведались все польские дела.

Иван Булгаков сидел в приказе Большой Казны (Geltcanzelei). Деньги, поступавшие из других городов и уездов, здесь уплачивались и взвешивались так, что всякий раз 1/50 часть оказывалась в утечке еще до записки. При выплате же из приказа не хватало уже 1/10 части.

В Разбойном приказе (Mordercanzelei) сидел Григорий Шапкин. Если [где либо] в стране, — по уездам, городам, деревням и по большим дорогам — словят убийцу, а тот откупится, — так его подускивали, чтобы он оговаривал торговых людей и богатых крестьян, будто и они ему помогали. Так эти "великие господа" (die grossen Hansen) добывали себе деньги.

/5/ В общей судебной избе (Richthause) или на дворе "Земский двор" (oder Hofe Semskouora) сидел Иван Долгоруков и Иван Мятлев. Сюда приводились на суд все те,

кого пьяными находили и хватали ночью по улицам. Штраф был в 10 алтын (Altin), что составляет 30 мариенгрошей ¹⁵ или польских грошей. Если где-нибудь в тайных корчмах находили пиво, мед или вино, — все это отбиралось и доставлялось на этот двор. Виновный должен был выплатить тогда установленный штраф в 2 рубля (Rubel), что составляет 6 талеров, и к тому же бывал бит публично на торгу батогами. Было много приказчиков (Prikassiki) или чиновников (Befehlichshabere), которые за этим надзирали. И прежде, чем приведут они кого-нибудь на [Земский] двор, еще на улице, могут они дело неправое сделать правым, а правое, наоборот, неправым. К кому из купцов или торговых людей **[81]** эти приказные не были расположены, к тем в дом подсылали они бродягу, который как бы по дружбе приносил стопочку (ein Pfleschlein) вина. За ним тотчас же являлись приказные с целовальниками (Geschwornen) и в присутствии целовальников хватали парня вместе с хозяином, хозяйкой и всей челядью. Хозяину приходилось тогда растрясать свою мошну, коли он хотел сохранить свою шкуру.

Было также много /об./ недельщиков (Nedelsecken) ¹⁶, которые всякого высылали на суд за деньги, [при чем сумма определялась] в зависимости от расстояния. Они ставили на суд всякого в стране. Обвиняемому назначался первый срок явки соразмерно с тем, жил ли он далеко, или близко. Недельщик же, придя на место, брал с собой с ближайшей таможни, но не с поместий и не из уездов, двух или трех целовальников и бросал память в дом или во двор к обвиняемому. Так [повторялось] до третьего раза. Если обвиняемый давал деньги, то он выигрывал дело, даже если действительно был виноват. Если же он не приходил, то жалобщик мог, словив и связав его, взять и бить на торгу публично до тех пор, пока тот не заплатит. Можно было также, по желанию истца, сделать человека холопом (leirpeigen), если только у него не было защиты: нужно было либо уплатить все с процентами, либо всю свою жизнь вертеть ручную мельницу. Иного лихого человека подговаривали, чтобы он оговорил напрасно богатого купца или крестьянина в уезде: кривду все равно делали правдой. Так добывали эти ребята деньги.

В Ямском приказе (Postcanzelei) обычно, когда приказывали отправлять грамоты (Brife), устраивали так: копили ребята все грамоты вместе /б/ и отправляли их на ямских (auf die Post) все зараз. А затем представляли полный счет — сколько раз и когда лошади [будто бы] были наняты, и оставляли себе деньги, которые должны бы лежать в казне.

В приказе, где прочитывались все челобитья (Canzelei, da alle Supplicationes arpelesen werden), пожалованные и подписанные великим князем, получал свою подписную челобитную тот, у кого были деньги. А если какой-нибудь посадский (Burger) или простой человек не имел денег, то не мог он найти и управы **[82]** прежде, чем не заплатит. Только тогда челобитья подписывались и вычитывались. "Рука руку моет" (Ruka Ruku moit).

В Казанском и Астраханском приказах (Auf der Kasanskene und Astrokansken Canzelei) или царствах [...] они изрядно набили себе мошну [...] и в окрестных улусах луговой и нагорной черемисы.

В Рязанском приказе (auf der Resansken Canzelei) они хозяйничали столь же бессовестно. Но теперь им это запрещено. Причина: крымский царь управлялся с этой землей так, как великий князь с Лифляндией ¹⁷.

Андрей Васильевич сидел в Посольском приказе (Gesandtencanzelei) /об./. Здесь ведались все немецкие и татарские дела и сюда же поступали сборы с Карельской земли. Там повседневно бывали толмачи различных народов. У них были поместья и они же получали годовое жалованье. Здесь проделывались такие же штуки, как и в других приказах.

На Jamme ¹⁸ или на дворе, где все иноземцы получают изо дня в день свои кормовые деньги (Kostgelt), сидел Иван Тарасович Соймонов и один дьяк. Ежели кто из иноземцев

не брал своего меда и кормовых денег за 10, 20 или 30 дней, с того постоянно удерживали 1/10 часть, когда [потом] он хотел их получить. Каждый иноземец имел на руках память (Zeddel): она была так искусно изготовлена, что никто не мог, подделав почерк, незаметно что-либо в ней приписать. Из погребов мед приносился теми, кто был к тому приставлен. Они отмеривали мед в погребе по своему желанию и потом уже выносили его наружу и наливали иноземцу в его бочку. Соглашался тот его принять — хорошо, а коли нет, то не получал ничего. Варился хороший и плохой мед, и на этом сберегалась третья часть меда-сырца /7/. А если иноземец одаривал этих ребят, то сам мог итти в погреб и цедить мед [на пробу] изо всех бочек. Какой мед более других приходился ему по вкусу, того он и приказывал тогда нацедить и получал [конечно] свою полную меру. Если [83] иноземец умирал или его убивали, то эти куманьки целый год все продолжали заносить в отчет полностью все "выдачи"!

Таковы, коротко говоря, были знатнейшие приказы. В других дело шло тем же порядком.

Денежные сборы с государства распределялись так, что в каждый приказ поступали деньги; в том же приказе производился и суд [соответственной] области страны. Из приказа в приказ деньги не передавались; один получал тогда от другого подписную память (underschriebene Memoralszeddel), которая подписывалась дьяком. Памяти склеивались вместе и наматывались в столбцы.

В каждом приказе или судебных избах (Gerichtsstuben) были два сторожа. Они открывали двери тем, кто давал деньги, а кому нечего было дать, перед тем двери закрывались. Кто хотел влезть насильно, того сильно били по голове палкой в локоть длиной. Не щадили никого! У кого же не было денег, тот стучался и говорил: "Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас грешных" (Haspodi Jesu Christe /об./ Scinni bossi homilu nass Gresni). [В ответ] на эти слова сторож открывал ему [дверь]; тот входил и многократно бил челом князьям, боярам или дьяку. Если он бывал недостаточно смел, то [боярин] ударял или отталкивал его посохом и говорил: "Недосуг! подожди!" (Nedassuch parra isdi). Многие так и ждали до самой смерти. Все князья, бояре и дьяки и в приказах, и в церкви постоянно имели при себе посох.

Во всех приказах все дела — и малые, и большие — записывались в книги. В приказах были еще сливяные и вишневые косточки, при помощи которых производился счет.

По всем приказам были подьячие (Podierien) — помощники дьяков — в числе 20, 30, 40, 50: то больше, то меньше. Они переписывали грамоты набело. Дьяк брал грамоту в левую руку и под числом писал свое имя мелким шрифтом. Потом он оборачивал грамоту и писал на всех местах, где приходились сставы 19 (stauets), так что половинки букв бывали на обоих концах бумаги. Если даже клей держался недостаточно крепко, никто не мог подделать грамоты и не мог /8/ приписать в ней что-нибудь еще. Так скреплялась грамота. Потом наверху на обратной стороне на первой склейке грамоты дьяк писал от себя титул [84] великого князя крупными буквами так, чтобы каждый мог видеть: Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси (Ser i Feliki Knese Iwan Wassilowiz Usarussa). Перед дьяком на столе стояла чернильница с перьями. Помощники дьяков или подьячие держали свои чернильницы с перьями и бумагой в левой руке и на коленке переписывали грамоту набело.

Летом ходит много парней или "малых" с деревянными чашками и каменными кувшинами; в них лежит лед. Если кто-нибудь пожелает пить, тот дважды или трижды может напиться за один чешский пфенниг. Ходят [еще] по приказам с продажным питьем, которое называется сладкий морс (Slatky Mors). Изготавливается он так: русские берут из ручья свежую проточную воду и можжевелевую ягоду и кладут ее в эту воду; оттого вода становится кислой. Затем берут мед, подмешивают его в воду и процеживают сквозь волосанное сито. Вода делается тогда сладкой. Сколько кто захочет выпить, столько и должен заплатить.

/об./ Если кто-нибудь в стране или по городам Московского государства (alien Steten in der Moscau) не найдет управы, то он идет в тот или иной приказ.

Когда сойдутся обе стороны, и правый поцелует крест, то он выигрывает дело и получает деньги. Но виноватый мог, не выплачивая денег, вызвать правого на бой, даже и после присяги. На Москве было много бойцов, которые за деньги бились за каждого. И кто выигрывал дело присягой, а противная сторона [судебным] решением была недовольна, тот должен был биться на бою со своим соперником или же нанять за себя бойца. Постоянно так и бывало, что тот, кто был прав и присягал, тот оказывался затем неправым. Если у неправого было больше денег, чем у правого — и пусть он действительно неправ — он все же оказывался благодаря этому [т. е. деньгам] правым, а правый неправым. Когда бились бойцы, то тот, который получал большую сумму денег от противника, падал во всем своем вооружении ниц перед своим соперником и говорил: "Виноват, казни!" (Winouat, gosni). Вследствие этих слов правый [нередко] проигрывал и неправый выигрывал, ибо неправый мог дать больше, чем правый.

/9/ Кто получал свою подписную грамоту (unterschiedenen Sritf), должен был идти к Ивану Висковатову, который хранил печать. Человек он гордый, счастлив мог почитать себя тот, **[85]** кто получал от него свою грамоту в течение месяца. Висковатый был не прочь, чтобы крымский царь забрал Русскую землю, потому что он был расположен ко всем татарам и помогал им. К христианам **20** же он был очень враждебен.

Рядом с ними [князьями и боярами высокого чина] были князья и бояре низшего ранга. Они бывали чиновниками в подклетных селах, которые принадлежали Дворцу. Обычно их слушались купцы и крестьяне (Boiaren=Bauern?) согласно приговору князей и бояр.

За тем, кто пожелал бы пожаловаться великому князю, за тем внимательно следили и [потом] сажали его в тюрьму. Коли были у него деньги, он мог выйти вон, если же нет, он оставался сидеть пока волосы не вырастали у него от головы до пупка.

Все эти князья, великие бояре-правители (grosse Boiaren im Regiment), дьяки, подьячие, чиновники и все приказчики были связаны и сплетены один с другим, как звенья одной цепи **/об./** И если кто-нибудь из них так тяжко грешил, что заслуживал смерти, то митрополит (Papst) мощной [своей] мог освободить его и пустить на все четыре стороны. Если кто разбойничал, убивал и грабил, а потом с добром и деньгами бежал в монастырь, то в монастыре был он свободен от преследования (frei), что на небе, даже если он покрал казну великого князя или в разбое на большой дороге взял то, что принадлежало казне великого князя. Одним словом, все духовные и мирские господа, всяческой неправдой собравшие добро, говорили, ухмыляясь: "Бог дал!" (Boch dal), id est Deus dedit.

Так управляли они при всех прежних уже умерших великих князьях. Некоторые [из последних] заводили было опричные порядки (den oprisnischen Handel), но из этого ничего не выходило. Также повелось и при нынешнем великом князе, пока не взял он себе в жены княжну, дочь князя Михаила (!) **21** Темрюковича из Черкасской земли. Она-то и подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами и чтобы повседневно и днем, и ночью они ездили за ним и охраняли его. **/10/** С этого и начал великий князь Иван Васильевич всяя Руси и **[86]** отобрал из своего народа, а также и из иноземцев (aus fremden nationibus) особый избранный отряд (sonderlich auserwelet Volk). Итак устроил опричных и земских (machet also Oprisna und Semsky). "Опричные" — это были люди великого князя (die seinen), земские же — весь остальной народ. Вот что делал [далее] великий князь. Он перебирал (musterte) один за другим города и уезды и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались опричным.

Князья и бояре, взятые в опричнину, распределялись по степеням (in gradus) не по богатству, а по породе (nach Geburt). Они целовали крест, что не будут заодно с земскими и дружбы водить с ними не будут. Кроме того, опричные должны были носить черные кафтаны и шапки и у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке. По этому узнавали опричников.

/об./ Великий князь из-за мятежа (Ufrurs halben) выехал из Москвы в Александрову слободу — в двух днях пути от Москвы; оцепил эту слободу воинской силой и приказал привести к себе из Москвы и других городов тех бояр, кого он потребует.

Великий князь послал в земщину (in die Semsky) приказ (Mandat): " судите праведно, наши виноваты не были бы (Sudite praveda nassi winowath ne boliby)".

Тогда-то из-за этого приказа земские и пали духом. Любой из опричных мог, например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не знал и не видал обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами (mit Knuttelen oder Prugelen) до тех пор, пока не заплатит. И тут никому не было пощады: ни духовному, ни мирянину. Опричники устраивали с земскими такие штуки, чтобы получить от них деньги или добро, что и описать невозможно. И поле (Kampf) не имело здесь силы **/11/**: все бойцы [со стороны] земских признавались побитыми; живых их считали как бы мертвыми, а то и просто не допускали [на "поле"].

Великий князь приезжал из Александровской слободы в Москву и убил одного из первых бояр в земщине, а именно Ивана Петровича Челяднина: на Москве в отсутствие великого князя он был первым боярином и судьей, охотно помогал бедному люду **[87]** добиваться скорого и правого суда; несколько лет он был наместником и воеводой в Лифляндии — в Дерпте и Полоцке. Пока он был наместником в Дерпте, немцы не знали беды, чтобы, например, великий князь приказал перевести их из Нарвы, Феллина и Дерпта [куда-нибудь] в Русскую землю **22**.

После него наместником и воеводой был князь Андрей Курбский. Как только понял эту штуку с опричниной, пристроил он свою жену и детей, а сам отъехал к королю польскому Сигизмунду Августу. На его место прибыл боярин (Knese!) Михаил Морозов. Этот оболгал лифляндцев перед великим князем **/об./** так, что великий князь приказал вывести всех немцев с женами и детьми из Лифляндии, из Дерпта, Феллина и Нарвы в свою землю, в 4 города: Кострому, Владимир, Углич и Кашин.

[Челяднин] был вызван на Москву; [здесь] в Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу. Села вместе с церквами и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями — были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур.

Великое горе сотворили они по всей земле! И многие из них [т. е. опричников?] были тайно убиты.

У земских лопнуло терпение! Они начали совещаться, чтобы избрать великим князем князя Володимира Андреевича, на дочери которого был женат герцог Магнус; а великого князя с его опричниками убить и извести. Договор (Contract) был уже подписан.

/12/ Первыми (боярами) и князьями в земщине были следующие: князь Володимир Андреевич, князь Иван Дмитриевич Бельский, Микита Романович, митрополит (Babst) Филипп с его епископами **23** — Казанским и Астраханским, Рязанским, Владимирским, Вологодским, Ростовским [и] Суздальским, Тверским, Полоцким, Новгородским, Нижегородским, Псковским и в Лифляндии Дерптским. Надо думать, что и в Ригу (in das

Stift Riga) думали посадить епископа. Все эти епископы ежегодно [88] должны являться на Москву на митрополичий выезд в вербную субботу; потом все монастыри, монахи и попы соборные (die Scaborni), т. е. те, которые входят в совет.

При великом князе в опричнине, говоря коротко, были: князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Алексей Басманов и его сын Федор.

Великий князь ушел с большим нарядом (mit grossen Geschuze); он не знал ничего об этом сговоре (consilio) и шел к литовской границе в Порхов. План его был таков: забрать Вильну в Литве /об./, а если нет, так Ригу в Лифляндии.

Кровавый дикарь (der rote Wilde) стоял под Ригой в Лифляндии и думал взять ее лаской или хитростью. Но это не удавалось, и он решил взять город силой. Тогда под Ригой пало несколько тысяч поляков.

Узнав об этом, великий князь приказал послать за Вильгельмом Фюрстенбергом и поставить его перед, собой. Великий князь в своем одеянии сидел со своим старшим сыном. Опричники стояли в палате — по правую руку великого князя, а земские — по левую. Вильгельм Фюрстенберг предстал перед великим князем в своем обычном платье. Я стоял неподалеку от Вильгельма Фюрстенберга и толмача Каспара Виттенберга, чтобы слышать правильно ли толмач толмачит.

И вот великий князь начал и сказал: "Бывший магистр Лифляндии! Мы хотим тебя /13/ пожаловать и опять посадить тебя в Лифляндии. Только ты должен свято обещать и скрепить [обет] присягой, что ты завладеешь и всем остальным: Ревелем, Ригой и Финляндией, всем, что принадлежало твоей бывшей державе. После тебя в нашей прародительской вотчине, простирающейся до Балтийского поморья (Secant der Ostsehe), будет править молодой магистр Вильгельм Кеттлер". Вильгельм Фюрстенберг сказал в ответ великому князю: "Того я не слыхал и не ведал, что Лифляндия до морского берега Остзеи твоя прародительская вотчина". Великий князь возражал: "Но ты же видел огонь и меч, убийства и казни. [Ты видел] как пленниками были уведены из Лифляндии и ты, и другие. Так теперь держи ответ: что же ты хочешь делать?". Вильгельм Фюрстенберг отвечал: "Я приносил присягу Римскому императору: на этом я готов и жить, и умереть". Великий князь разгневался на это, и Вильгельм Фюрстенберг был отослан обратно в Любим. Если бы он согласился, он должен бы отправиться с великим [89] князем под /об./ Ригу, а все немцы были бы пожалованы деньгами и одеждой. Но ничего из этого не вышло.

Тогда же начали думать о герцоге Магнусе. Какая ему отсюда была слава — известно всякому.

Князь Володимир Андреевич открыл великому князю договор и все, что замыслили и готовили земские. Тогда великий князь распустил слух, что он вовсе не хотел идти в Литву или под Ригу, а что он ездил "прохладиться" (spaziren geritten) и осмотреть прародительскую вотчину (Vaterland und Erbe).

На ямских вернулся он обратно в Александрову слободу и приказал переписать земских бояр, которых он хотел убить и истребить при первой же казни.

Под Александровой слободой, в 3 верстах (Worfe) от нее на юг, по Московской дороге была застава, Каринская по названию. И те, кто были при великом князе в Слободе, не могли выйти и никто извне не мог войти без памяти (Pammet), т. е. памятной записки в качестве удостоверения [...]. Об этом узнали все неверные слуги своих господ — земских. И когда кто-нибудь из них подходил к заставе и говорил /14/: "У меня есть дела господарские" (Umnie sost della hapodorky), его тотчас же доставляли от заставы в Слободу, в приказ, и всему, что бы ни говорил он о своем господине, всему давалась вера.

А великий князь продолжал: приказывал приводить к нему" бояр одного за другим и убивал их так, как ему вздумается — одного так, другого иначе.

Митрополит Филипп не мог долее молчать в виду этого. Он добром увещевал великого князя жить и править подобно своим предкам. И благодаря этим речам добрый митрополит попал в опалу и до самой смерти должен был сидеть в железных, очень тяжелых цепях, А великий князь вновь избрал митрополита — по своему желанию.

Затем великий князь отправился из Александровой слободы вместе со всеми опричниками. Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии /об./ были заняты опричными заставами, как будто бы из-за чумы; так что один город или монастырь ничего не знал о другом.

Как только опричники подошли к яму (Jamme) или почтовому двору Черная, так принялись грабить. Где великий князь оставался на ночь, по утру там все поджигалось и опаливалось.

И если кто-нибудь из его собственных избранных людей, из [90] князей, бояр или их слуг, приходил из Москвы на заставу и хотел [проникнуть] в лагерь, того приводили от заставы связанным и убивали тотчас же. Некоторых приволакивали к великому князю нагими и гоняли по снегу до смерти. То же самое было и с теми, кто хотел (уйти) из лагеря в Москву и был схвачен стражей.

Затем великий князь пришел в Тверь и приказал грабить все — и церкви, и монастыри; пленных убивать, равно как и тех. русских людей, которые породнились и сдружились с иноземцами. Всем убитым отрубали ноги — устрашения ради; а потом трупы их спускали под лед в Волгу. То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви.

/15/. Великий князь вернулся под Великий Новгород и расположился в 3 верстах пути (Velt weges) от него; в город он послал разведчиком (Vorspeer oder Kuntschafter) воеводу со своими людьми. В городе прошел слух, что великий князь пошел в Лифляндию. А между тем он вошел в Великий Новгород, во двор к [архи]епископу и отобрал у него все его [имущество]. Были сняты также самые большие колокола, а из церквей забрано все, что ему полюбилось. Так-то пощадил великий князь этот город! Купцам он приказал торговать (kaufen und verkaufen) и от его людей — опричников брать [награбленное] лишь по доброй уплате. Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где [снова] давал простор своему озорству. Он Приказывал истязать и монахов, и многие из них были убиты. Таких монастырей внутри и вне города было до 300, и ни один из них не был пощажён. Потом начали грабить город. По утрам, когда великий князь подъезжал из лагеря к городу, ему навстречу выезжал начальник города, и великий князь узнавал таким образом, что происходило в городе за ночь.

/об./ Целых шесть недель без перерыва длились ужас и несчастье в этом городе!

Все лавки и палатки, в которых можно было предполагать [наличность] денег или товару, были опечатаны. Великий князь неизменно каждый день лично бывал в застенке (Peinhofe oder Haus).

Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; все, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось. Если кто-нибудь из земских пытался вытащить что-либо из воды, того вешали. [91]

Затем были казнены все пленные иноземцы; большую часть их составляли поляки с их женами и детьми и те из русских, которые поженились на чужой стороне.

Были снесены все высокие постройки; было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна.

Опричники увели также несколько тысяч посадских девушек. Некоторые из земских переодевались опричниками и причиняли великий вред и озорство; таких выслеживали и убивали.

Великий князь отправился затем дальше во Псков и там начал действовать также.

/16/ К Нарве и ко шведской границе — к Ладожскому озеру — он отправил начальных и воинских людей и приказал забирать у русских и уничтожать все их имущество: и многое было брошено в воду, а многое сожжено. В эту пору было убито столько тысяч духовных и мирян, что никогда ни о чем подобном и не слыхивали на Руси. Великий князь отдал половину города на грабеж, пока он не пришел ко двору, где жил Микула.

Этот Микула — прожиточный мужик (Kerls); живет во Пскове во дворе один, без жены и детей. У него много скота, который всю зиму ходит во дворе по навозу под открытым небом; растет и тучнеет. От этого он и разбогател. Русским он предсказывает многое о будущем. Великий князь пошел к нему на двор. Микула же сказал великому князю: "Довольно! Отправляйся назад домой!".

Великий князь послушался этого Микулы и ушел от Пскова обратно в Александрову слободу — со всеми деньгами, со всем добром и многочисленными большими колоколами.

В Слободе он тотчас же приказал построить каменную церковь; в ней он сложил все, что было забрано наличными деньгами; в церкви **/об./** были вделаны врата, которые он взял от церкви в Великом Новгороде; врата были отлиты с историческими изображениями (mit Historien figiirlich); при церкви же были повешены колокола.

После того великий князь открыто опоил отравой князя Володимира Андреевича; а женщин велел раздеть донага и позорно расстрелять стрельцам. Из его [т. е. Владимира Андреевича] бояр (Boiaren oder Knesen) никто не был оставлен в живых.

Великий князь снова приехал из Александровой слободы на Москву и приказал перехватать всех приказных и правителей (Gebietter) в земщине и всех дьяков. **[92]**

Иван Висковатый держал в земщине печать; Микита Фуников был казначеем, Иван Булгаков был в приказе Большой Казны. Тогда великий князь умертвил до 130 начальников (Heupter), из которых каждый судил и рядил по стране. Ивану Висковатову отрезали сперва нос и уши, потом отсекали руки. Микита Фуников был привязан к столбу на торгу и облит кипятком; так его сварили живьем **24**.

Был тогда великий голод (teure Zeit); из-за кусочка хлеба человек убивал человека. **/17/** А у великого князя по дворам в его подклетных селах, доставлявших содержание дворцу, стояло много тысяч скирд (Scherden) необмолоченного хлеба в снопах (im Stro). Но он не хотел продавать его своим подданным, и много тысяч людей умерло в стране от голода, а собаки пожирали [их трупы].

К тому же всемогущий бог наслал еще великий мор. Дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивался и всякого, кто в нем умирал, в нем же и хоронили; многие умирали от голода в своих собственных домах или дворах.

И все города в государстве, все монастыри, посады и деревни, все проселки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому. А если стража кого-нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было — с повозкой, седлом и уздечкой.

Многие тысячи умерших в этой стране от чумы пожирались собаками.

Чума усиливалась, а потому в поле вокруг Москвы были вырыты большие ямы, и трупы сбрасывались туда без гробов по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу /об./. В Московском государстве по большим дорогам были построены особые церкви; в них ежедневно, молились, чтобы господь смилостивился и отвратил от них чуму.

Великому князю был подарен слон **25** вместе с арабом, который за этим слоном ухаживал. Араб получал в Москве большое **[93]** жалованье. Это подметили русские бражники (Brasneck), т. е. беспутные люди, пропойцы, которые в корчмах пьют и [зернью] играют (doppein und spielen). Из-за денег они тайно убили жену араба. — Вот этот-то араб был оклеветан и оговорен русскими вместе со своим слоном, что будто бы чума, о которой в Москве и не думали, произошла от него и его слона. Тогда араба и его слона сослали в опале в посад Городецкой. Араб умер там, и великий князь послал дворянина (einen Voiaeren) с наказом умертвить слона при помощи [крестьян] окрестных сох (Schigen) **26** и посадских (Burger). Слон стоял [обычно] в сарае, а кругом сарая был тын. Неподалеку от него схоронили араба. Тогда слон проломил тын /18/ и улегся на могиле. Там его и добились; выбили у него клыки и доставили великому князю в доказательство того, что слон действительно околел.

Согласно присяге опричники не должны были говорить ни слова с земскими, ни сочетаться с ними браком. А если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел никогда их навещать.

Великий князь разделил Москву на две части. [Себе] он взял совсем незначительную часть: город и кремль он оставил земским.

Всякий раз, когда великий князь брал в опричину какой либо город или уезд, он отписывал себе в опричину одну или две улицы из пригородных [московских] слобод.

Так убывали в числе земские — бояре и простой люд. А великий князь — сильный своими опричниками — усиливался еще более.

Князь или боярин, не включенный в [опричный] список, заносился в особый список, который пересылался князю [Ивану] Дмитриевичу Вольскому /об./ и прочим земским боярам, с тем, чтобы взамен его вотчины ему было дано поместье где-нибудь в другом уезде. Это случалось редко. А когда это случалось, и великий князь "перебирал" (ausmusterte) уезды, а опричники отбирали от земских их вотчины, то отбирали они все, что **[94]** в этих вотчинах находили, не оставляя ничего, если им что полюбитя.

Через Москву протекает ручей Неглинная в один фут шириной и глубиной. Ручей этот и был границей опричины и земщины. На нем великий князь приказал отстроить такой большой двор, какого в Русской земле еще и не видывали. Он так дорого обошелся стране, что земские желали, чтобы он сгорел. Великий князь узнал об этом и сказал своим опричникам, что он задаст земским такой пожар, что они не скоро его потушат. И своим опричникам он дал волю всячески обижать земских. Многие рыскали /19/ шайками по стране и разъезжали, якобы, из опричины, убивали по большим дорогам всякого, кто им попадался навстречу, грабили многие города и посады, били на смерть людей и жгли дома. Захватили они много денег, которые везли к Москве из других городов, чтобы сдать в казну. За этими делами присмотра тогда не было.

Комендант (Gubernator) польского короля Сигизмунда [в одном из городов] Лифляндии, Александр Полубенский, отправился вместе с 800 поляков, переодевшись опричниками (in der Gestalt der Oprisnay). При нем было трое русских служилых людей (Voiaeren), отъехавших (die entritten waren) от великого князя: Марк Сарыхозин и его брат Анисим; имя третьего было Тимофей Тетерин; в Русской земле у великого князя он был стрелецким головой; боясь опалы великого князя, он постригся в монахи и в камилавке явился к королю. Итак, комендант подошел к Изборску и сказал воротнику: " Открывай!

Я иду из опричнины". Ворота были тотчас же открыты. Так "врасплох захватили поляки /об./ Изборск. Однако удерживали его не более 14 дней и сдали его русским опричникам (Aprisnischen). [После взятия Изборска] поляки были пожалованы поместьями и крестьянами; те, кто хотели удержать их [и после сдачи города], были убиты.

Русские решили сдать полякам Феллин, Тарваст и Мариенбург в Лифляндии. Об этом узнал великий князь и послал приказ — обезглавить по этим городам и замкам всех главных дьяков и приказных. Головы их были привезены в мешках на Москву, как доказательство [их казни].

После того по всем пограничным замкам (Grenzheuser) и городам великий князь разослал указ (Mandat) — не впускать никого, если кто придет, как бы из опричнины. **[95]**

Многие отправились из опричнины и, придя на остзейское поморье (an die Secant der Westsehe!) с подложными наказами, принялись переписывать по посадам всех богатых купцов и [девушек] — дочерей как богатых купцов, так и крестьян, будто бы великий князь требовал их на Москву. Если какой крестьянин или купец давал денег, дочь его выключалась из списка, будто бы она некрасива. А та, [что и в самом деле] была дурнушкой, должна была итти за красивую. Так заполучали они деньги.

/20/ Если опричникам там, где их именья и селы (Landouter und Hofe) граничили с земскими, полюбится какое-нибудь поле или лес, луга или пруд, то они выкапывали [рядом] два рва: один — в 2 сажени (Faden oder Klafter) длины и ширины и это были владения опричнины; другой — в 1 сажень длины и ширины, и это отходило к земским.

Все крестьяне страны имеют в Юрьев день осенний (auf S. Georgen Tagk im Winter) **27** свободный выход (einen freien Ausgang). Они принадлежат тому, кому захотят (zue weme sie wollen). Кто не хотел добром переходить от земских под опричных (unter die Aprisna), тех [эти последние] вывозили насильством (mit Gewalt geholet) и не по сроку (ausser der Zeit). Вместе с тем увозились или (und) сжигались [и крестьянские] дворы.

Много, много (viel tausent) богатых торговых людей (Kauf-leute), много бояр и богатых гостей (Kaufhern) из земских — те, что не служили на войне — закладывались (begaben sich) — вместе с вотчинами, женами и детьми и всем, что у них было — за тех опричников, которых они знали; продавали им свои вотчины, думая, что этим они будут ограждены (frei) /об./ от других опричников. Но опричники, пограбив их, говорили им: "Мы не можем держать вас дольше; вы же знаете, что мы не можем общаться с земскими; что это противно нашей присяге. Уходите, откуда пришли!". И [земские] должны были еще бога благодарить, что ушли непобитые!

Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия. Они сами составляли себе наказы; [говорили] будто бы великий **[96]** князь указал убить того или другого из знати или купца, если только они думали, что у него есть деньги, — убить вместе с женой и детьми, а деньги и добро забрать в казну великого князя.

Тут начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. И описать того невозможно! Кто не хотел убивать, те ночью приходили туда, где можно было предполагать деньги, хватали людей и мучили их долго и жестоко, пока не получали всей их наличности и всего, что приходилось им по вкусу. Из-за денег земских оговаривали все: и их слуги, работники и служанки, и простолюдин из опричнины (der gemeine in Aprisna) — посадский или крестьянин. Я умалчиваю о том, что позволяли себе слуги, служанки и малые (Jungen) [опричных] князей /21/ и дворян! В силу указа все считалось правильным.

По своей прихоти и воле опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил: "Довольно!".

Опричники не могли насытиться добром и деньгами земских. [Раньше] если опричники искали на ком-нибудь из земских 1000 рублей [будто бы данные им в долг], тогда как земские получили [от них] только сотню, а то и того меньше, но записывали-то они [опричные] всю сумму [в 1000 рублей] — все жалобы [потерпевших] вместе с расписками и судными списками. клались под сукно (wurden beigelegt): ведь опричные присягали, что они не будут дружить с земскими, что с ними они не будут иметь никаких дел.

[Теперь] великий князь сыграл обратную игру (spilt der Grosfurschte das Widerspiel): он приказал подобрать все жалобы. И если опричные говорили: "на 1000" (auf tausent) и на эту сумму была дана расписка, а земские получили [на самом деле] не все полностью, то опричники должны были выплатить земским дополнительно.

Это решение пришлось не по вкусу опричникам.

/об./ Тогда великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины.

"Князь Афанасий Вяземский умер в посаде Городецком в железных оковах. Алексей [Басманов] и его сын [Федор], с которым великий князь предавался разврату (pflegte Unzucht mitzutreiben), были убиты. Малюта Скуратов был убит в Лифляндии под Вейссенштейном: этот был первым в курятнике (der beste Han im Korbe)! По указу великого князя его поминают в церквах и до днесь. **[97]**

Князь Михаил сын [Темрюка] из Черкасской земли, шурина великого князя, стрельцами был насмерть зарублен топорами и аллебардами. Князь Василий Темкин был утоплен. Иван Зобатый был убит. Петр Suisse **28** — повешен на своих собственных воротах перед спальней. Князь Андрей Овцын — повешен в опричнине на Арбатской улице; вместе с ним была повешена живая овца. Маршалк Булат хотел сосватать свою сестру за великого князя и был убит, а сестра его изнасилована 500 стрельцами. Стрелецкий голова Курака Унковский был убит и спущен под лед [...] в прошлом году затравлен собаками у Каринской заставы под Александровой слободой.

/22/ Григорий Грязной был убит, а его сын Микита сожжен. Его брат Василий был взят в плен татарами. Писец и дьяк (der Schreiber und Kanzeler) Посник Суворов был убит в поместном приказе. Осип Ильин был позорно казнен во дворецком приказе (Hofcanzelei).

Всех опричников и земских, всех тех, кого должны были казнить, били сначала публично на торгу батогами до тех пор, пока те, у кого было добро или деньги, не передавали их в казну великого князя. А у кого не было ни денег, ни добра, тех [сразу] убивали [где ни попадя] и у церквей, и на улицах, и в домах — во время сна или бодрствования, а потом выбрасывали на улицу. При этом писалась цидула (Scedel), в ней указывалась причина казни. Записка эта припиливалась к одежде мертвеца, и труп должен был лежать в остратку народа — все равно, был ли [казненный] прав, или виноват.

Если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, земские получили бы много денег и добра по неправильным распискам **/об./**, которые они должны были получить обратно от опричников. Но так как Москва сгорела, а с ней вместе и все челобитья, судные списки и расписки, земские остались в убытке.

Были обижены также и торговые люди [как] русские, [так] и из других государств, постоянно торгующие в его стране.

В своей стране великий князь не терпел рядом со своими торговыми людьми никаких других, кроме тех, кто торговал у Нарвы с немцами, французами, англичанами и со всеми заморскими (was oberseisch ist), и кого он указывал облагать — одного больше, другого меньше, по своей воле. **[98]**

Что касается до торговых людей чужих стран, то турчанин купец Чилибей был отослан из Москвы; за товары, которые взял от него великий князь, ему ничего не было уплачено; он должен был удалиться в опале без снисхождения (ohne Respit), хотя люди [его] страны пользуются правом покупки всех пленных, которых русские приводили из Литвы или Польши, а также и из Швеции, равно как из Лифляндии /23/ и других окрестных стран; [турки] вольны разводить их по своим и чужим странам [29](#).

Некоторые торговые люди из Сибири были убиты, а их соболи удержаны в казне великого князя.

Из Персии шли англичане, которые приезжают к Холмогорам. Как только подошли они к Волге, явился русский станичный (wildfeldischer) голова со своими стрелками, якобы в качестве провожатых и охраны от черкасских татар и нагаев, от луговой и нагорной черемисы. Это предложение пришлось англичанам по душе. И голова со стрельцами вступили на английский корабль, нагруженный пряностями и дорогими шелковыми тканями; ранили нескольких англичан, но оставили шкипера и корабельщиков и повернули с кораблем и товарами обратно.

От английской компании великий князь отобрал в свою казну много денег и добра. Королева послала спросить у великого князя — почему он так поступил. А великий князь отвечал послу так: "Опальные деньги не отдадут" (Apalni dengi ne oddatut).

/об./ Герцог Август курфюрст послал великому князю с бюргером из Лейпцига, Каспаром Куником, набор хирургических инструментов; все (alles was darzu gehorte) было искусно сделано и позолочено. И Каспар Куник не получил от великого князя ничего. Денежный мастер из Ревеля Пауль Гульден прибыл [в Москву] с драгоценностями; и от него они были отобраны.

Подклетные села [30](#), доставляющие содержание [великокняжескому] дворцу (die zur Hofhaltung gehören), и вотчины, и поместья [99] князей и бояр, митрополита, епископов и монастырей [и земли] крестьян — все разделены на сохи (in Schogen geteilet). В городах, где живут торговые люди или бюргеры, [каждые] 100 дворов составляют соху.

По уездам (zu Land) измерены все пашни, луга, леса и рыбные ловли и сообразно с качеством также разделены на сохи. И по всей стране [по различным ее областям] каждая соха имела свое собственное кадастровое наименование (und es haben imganzen Lande jede Senega ihren eigenen beschriebenen Namen) [31](#).

Со всех описанных сох великий князь собирал прежде дань полностью, хотя много, много тысяч (viel hunderttausent) сох стояли пустыми; ибо когда находили хотя бы одного человека — безразлично духовного или мирского — в землях митрополичьих (in Babstthumb), епископских (Bischoftumben) или монастырских, равно как и служилых (des Grosfurschten Knesen und Boiaren) — одного на целую соху /24/, [все равно] платилось за всю соху. [И это] несмотря на то, что [служилые люди] с их земель должны были лично служить военную службу. Если даже на их землях не было ни одного крестьянина, они все же должны были платить за все те сохи, которые были за ними (under ihnen gelegen) и тем не менее лично служить военную службу. У того, кто не объявлялся на смотр, отписывались имения, [а его самого] били публично на торгу или в лагере кнутом или плетью. Того, кто болел смертельной болезнью, на смотре (durch die Musterung) проносили или провозили [на носилках или в повозке].

Где отыскивалась пустая соха, ее причисляли к другим уездным сохам, в которых жили люди. Они то и платили за пустые {ledige} и за запустелые (wuste) сохи. В Русской земле теперь больше пустых, нежели населенных сох.

Целовальники (die Gruskusser) или присяжные, которые сидят на таможне, [податей] не платят. За них должны уплачивать [крестьяне] посадских и уездных сох (die Schogen in Steten und Dorfern) /об./ **[100]**

Повсюду имеются еще почтовые дворы (Postheuser), где живут охочие (freiwillige) люди с очень хорошими лошадьми; на этих лошадях в шесть дней можно доехать из Москвы до какой-нибудь окрестной границы или [обратно] от границы до Москвы; один ям или почтовый двор отстоит от другого на 20, 30, 40 или 50 верст (Vorste). Содержание их обходилось очень дорого великому князю. Теперь же их должны содержать сохи.

Точно также и с варкой селитры для заготовки пороха: все, что для того было нужно, шло из казны. Теперь же все это полностью должны справлять сохи.

На них же был возложен еще наем одного, двух, трех крестьян с сохи, которые должны были постоянно быть при пушках, тащить их и от них не отлучаться. Посошный (Pososnek) — будь то гулящий или /25/ крестьянин (Keri oder Baur), — которого наняли посошные люди (die Posnecken), должен поставить за себя поруку сошным людям (denen in der Schogen), когда он получает [от них] деньги. И обратно, сошные люди должны [дать поруку] начальному человеку, который управляет посошными при орудиях, в том, что нанятые ими работники неотступно будут при наряде и останутся при нем — живые или мертвые. Эта порука расписывалась на обе стороны у площадного подьячего (bei dem Notario) и подписывалась послухами (mit Zeugen).

Монастыри должны теперь ставить в поход воинских людей для великого князя со своих имений.

Все окрестные границы были закрыты, и во время голода и чумы никто не мог убежать из опричнины в другую страну; а кого хватили на польской границе, тех сажали на кол, некоторых вешали.

У великого князя ни в чем не может быть недостатка: ведь у русских обычна поговорка: "Господарское не изгорит, на море не утонет" (Haspodarki ne isgarrit nam more ne utarnit). Говорят они еще и так: "Ведает бог да господарь" (Weddet boch da haspodar), что соответствует "cor domini in manu dei".

/об./ До того, как великий князь устроил опричнину, Москва с ее Кремлем и слободами (Vorsteten) была отстроена так.

На восток город **32** имел двойные ворота; на север он широко **[101]** раскинулся по реке; на юге лежал Кремль; на запад были также двойные ворота. [В Кремле] было 3 ворот: одни ворота Кремля были на запад и двое ворот на север. От восточных ворот города до западных, город — весь насквозь — представлял собою площадь **33** и рынок — и только! На этой площади под Кремлем стояла круглая церковь **34** с переходами; постройка была красива изнутри и над первым переходом расписана многочисленными священными изображениями, изукрашенными золотом, драгоценными камнями, жемчугом и серебром. Митрополичий выезд со всеми епископами на вербную субботу (auf Palmentag) происходил ежегодно именно к этому храму. Под переходом похоронено несколько человек; на их могилах горели день и ночь восковые свечи; они [т. е. мертвые] не тлеют, как говорят русские, а посему они считают их очень святыми и молятся им днем и ночью /26/. У этого храма висело много колоколов.

Там, где стоит храм, площадь сама по себе расположена высоко, как маленькая гора. Неподалеку от храма стоят несколько пушек, [из них] можно стрелять поверх восточных ворот через стену и Москва-реку.

На этой то площади умерщвляли и убивали господ из земщины (die Herren in der Semyky). Тогда вся площадь — от западных ворот и до этого храма — бывала окружена и

занята опричными стрелками (mit alien aprisnischen Hakenschutzen). Трупы оставались обнаженные на площади и днем, и ночью — народу в назидание (zum Spigel). Потом их сбрасывали в одну кучу в поле, в яму.

Около храма есть ворота [35](#) в Кремль. На восточной [его] стороне — тоже церковь [36](#), [ничем] не отличающаяся от других русских церквей. Затем идут знатнейшие приказы, все деревянной постройки и только один из камня. А именно: Казанский, Разбойный, Разрядный, Поместный, Приказ Большой Казны, Дворцовый приказ, приказ [Челобитенный], где вычитывались все челобитья, которые сходили (kamen) от великого князя и были подписаны. **[102]**

Дальше стоит церковь [37](#) /об./, где похоронены покойные великие князя.

Далее Казенный двор. Перед этой церковью и Казенным двором ставили на правез (wurden gerechtfertiget) всех, кто был должен в казну.

Дальше — еще одна двухэтажная церковь [38](#) с лестницей сверху, со сводами. Свод и одна стена по левой стороне до дверей и входа в нижнюю церковь расписаны изображениями святых в образе человеческом.

Дальше — сводчатым же проходом — можно пройти до четырехугольной площадки перед палатой [39](#) (Sahl) великого князя, в которой он обычно обедает. Эта площадка покоится на сводах; она выложена камнями; не перекрыта.

Каждое утро великий князь ходил в эту церковь; главы ее были покрыты позолоченной медью.

Палата великого князя была деревянной постройки. Против этой палаты — на востоке стояла [другая] палата [40](#) (Pallast), которая была пуста.

С площади на юг — вниз к погребам, поварням (Kuchen) и хлебням (Backheuser) — шла лестница. С площади на запад был переход к Большой палате [41](#), которая была перекрыта медью и все время стояла открытой /27/.

Здесь от перехода в середине было четырехугольное крыльцо [42](#) (ein virkandige Treppen); через это крыльцо в большие праздники проходил обычно великий князь в своем одеянии в сопровождении многочисленных князей и бояр в бриллиантах и золоте (in blianten oder guldenen Stucken). Великий князь держал в руке прекрасный драгоценный посох с тремя огромными драгоценными камнями. Все князья и бояре также держали в руках по. посоху; по этим посохам отличали правителей (die Regenten). Теперь с великим князем ходят новодельные господа (gemachte Herren), которые должны бы быть холопами (hetten dienen müssen) тем — прежним (den vorigen)!

К другим кремлевским церквам от этого крыльца вели двустворчатые **[103]** решетчатые ворота. За ним были ворота, которые переходом вели к площади, где расположены погреба, поварни и хлебни.

Дальше была еще церковь [43](#) с пятью главами; четыре из них были перекрыты жостью, а пятая — внутри их или в середине — была позолочена. Над церковным входом (Kuchentur!) была изображена и расписана с позолотой икона Богородицы. За ней митрополичий двор [44](#) со всеми его приказами. За ними были ворота [45](#), которые вели к опричному двору /об./. Здесь можно было переехать через речку Неглинную: через эту речку был каменный мост. Вот и все каменные мосты, которые только видел я в этой стране!

Вдоль западных стен с внутренней их стороны до ворот, которые ведут в город **46**, было несколько сотен житных дворов (Kornheuser): они принадлежали опричному двору.

[В Кремле] было еще несколько монастырей, где погребались великие князья и иные великие господа.

Посреди Кремля стояла церковь **47** с круглой красной башней **48**; на этой башне висели все большие колокола, что великий князь привез из Лифляндии.

Около башни стояла лифляндская артиллерия, которую великий князь добыл в Феллине вместе с магистром Вильгельмом Фюрстенбергом; стояла она неприкрытая, только напоказ (zum Spectakel).

У этой башни сидели все подьячие (Schreiber), которые всем и каждому ежедневно писали за деньги челобитные, кабалы или расписки (Hantschriften Oder Quitirung); все они приносили присягу. По всей стране челобитья писались "на" (in oder uf) имя великого князя. Около этой башни или церкви **/28/** ставили на правеж (gepravet oder gerechtfertiget) всех должников из простонародья. И повсюду должники стояли на правеже до тех **[104]** пор, пока священник не вознесет даров и не зазвонят в колокола,

Между башней и церковью висел еще один колокол: самый большой по всей стране. Когда звонили в него по большим праздникам, великий князь в своем одеянии направлялся в церковь в сопровождении священников, несших перед ним крест и иконы, и князей и бояр.

В день Симона Иуды (Simonis Judae) на этой площади великий князь вместе с князьями и боярами, с митрополитом, епископами и священниками, в облачениях, с крестами и хоругвями, прощались с летом или провожали его и встречали зиму. У русских это — день нового года **49**; кто из иноземцев не имел поместья, тот должен был требовать себе новую "кормовую память" (Costgeltzeddel).

Затем идут другие ворота **50** из Кремля в город.

Городские **51** и кремлевские стены выстроены все из красного обожженного кирпича и по всему кругу снабжены бойницами.

Ворота эти двойные. [Около них] во рву под стенами находились львы **/об./**: их прислала великому князю английская королева. У этих же ворот стоял слон, прибывший из Аравии.

Дальше общий судный двор или Земский двор (Semskodvor) и цейхгауз (Zeughaus); за ним друкарня (Preme) или печатный двор. Далее была башня или цитадель, полная зелья (Kraut). Затем — северные ворота **52**. Около них — много княжеских и боярских дворов, [протянувшихся] до других или средних ворот **53**. Здесь была выстроена большая тюрьма, совсем как замок (Hof); в ней сидели пленники, взятые в плен на поле битвы в Лифляндии. На день тюремный сторож выпускал их по городу (inwendigst), а на ночь ковал в железа. Здесь же был и застенок (die Peinerei). Дальше до третьих северных ворот **54** тянулись различные дома и дворы. На этой улице был выстроен еще большой двор с женской половиной: когда великий князь захватил и добыл **[105]** Полоцк, здесь были заключены привезенные на Москву Довойна и некоторые другие поляки и их жены.

Далее **55** был двор англичан, которые приезжают к Холмогорам. Еще дальше — Денежный двор (Munzhof).

За всем этим находились /29/ торговые ряды (Kramstrassen). В каждом ряду торговали одним товаром. Ряды тянулись вдоль площади перед Кремлем.

На площади изо дня в день стояло несколько "малых" (Jungen) с лошадьми: всякий мог их нанять за деньги и быстро доставить из подгородных слобод что-нибудь — как-то: рукописания (Hantschriften), грамоты (Brife), расписки (Quitanzien) — и затем опять идти в Кремль по приказам.

Посредине города был заново отстроенный двор, в нем должны были лить пушки.

По всем улицам были устроены "решетки" (Gatterpforten), так что вечером или ночью никто не мог через них ни пройти, ни проехать, — разве что по знакомству со сторожем. А если хватали кого-нибудь под хмельком, того держали в караульной избе (Porthaus) до утра, а затем приговаривали к телесному наказанию.

Вот как по всей стране устроены все города и посады [...]. В этом городе [Москве] все епископы страны имеют свои особые дворы — в городе и слободах, равно как и все знатнейшие монастыри; священники и дьячки, воеводы (Woywoden) и начальные люди; все приказы и дьяки (alle Canzeleien und Schreiber); все воротники (Torwechter), до 2000 человек из мелкой знати (geringe von Adel), также имеют здесь свои дворы; изо дня в день они выжидали по приказам /об./ [какой-нибудь посылки]; как только в стране что-либо случалось, им давались наказы и их отсылали в тот же час. Также были дворы у охотников, конюхов, садовников, чашников (Kelner) и поваров. Были посольские дворы и много других дворов иноземцев, которые все служат великому князю. Все эти дворы были свободны от государевой службы (herrendinste frei).

Но когда была учреждена опричнина, все те, кто жил по западному берегу речки Неглинной, безо всякого снисхождения (ohne Respit) должны были покинуть свои дворы и бежать в окрестные слободы, еще не взятые в опричнину. Это относилось [106] одинаково и к духовным, и к мирянам. А кто жил в городе или слободах и был взят в опричнину, тот мог легко перейти из земщины в опричнину, а свои дворы в земщине или продать, или, разобрав, увести в опричнину.

Тогда же подспели великий голод и чума. Многие села и монастыри от того запустели. Многие торговые люди из-за указа, который пришел от великого князя из опричнины в земщину, покидали свои дворы и метались по стране туда и сюда /30/.

Так велика была беда (Jammer), что земский поглядывал [только] — куда бы убежать!

Об этой игре (Spil) узнал крымский царь и пошел к Москве с Темрюком из Черкасской земли — свойственником (Vetter) великого князя. А великий князь вместе с воинскими людьми — опричниками — убежал в незащищенный город Ростов.

По началу татарский хан приказал подпалить увеселительный двор (Lusthaus) великого князя — Коломенское — в 1 миле от города.

Все, кто жил вне [города] в окрестных слободах, — все бежали и укрылись в одном месте: духовные из монастырей и миряне, опричники и земские.

На другой день он поджег земляной город (Hackelwehr) — целиком все предместье; в нем было также много монастырей и церквей.

За шесть часов выгорели начисто (vorbranten innen und aussen) и город ⁵⁶, и кремль, и опричный двор (Aprisna), и слободы.

Была такая великая напасть, что никто не мог ее избегнуть!

В живых не осталось и 300 боеспособных людей (Wehrhafter). Колокола у храма и колокольня (Mauren), на которой они висели [упали], и все те, кто вздумал здесь укрыться, были задавлены камнями. Храм вместе с украшениями и иконами был снаружи /об./ и изнутри спален огнем; колокольни также. И остались только стены (Maurwerk), разбитые и раздробленные. Колокола, висевшие на колокольне посередине Кремля, упали на землю и некоторые разбились. Большой колокол упал и треснул. На опричном дворе колокола упали и врезались в землю. Также и все [другие] колокола, которые висели в городе и вне его на **[107]** деревянных [звонницах], церквей и монастырей. Башни или цитадели, где лежало зелье (Kraut), взорвались от пожара — с теми, кто был в погребах; в дыму задохлось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне Кремля, в опричнине и земщине.

Одним словом, беда, постигшая тогда Москву, была такова, что ни один человек в мире не смог бы того себе и представить.

Татарский хан приказал поджечь и весь тот хлеб, который еще необмолоченным стоял по селам великого князя.

Татарский царь Девлет-Гирей повернул обратно в Крым со множеством денег и добра и многим множеством (viel hundert tausent) пленников и положил в пустыне у великого князя всю Рязанскую землю.

/31/ Строения опричного двора (des Hofes Aprisnay) ⁵⁷.

Великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли [выложить ее] из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх — из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц (umbgehende Wehr); [протянулись они] приблизительно на 130 саженей в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами: одни выходили на восток, другие — на юг, третьи — на север. Северные ворота находились против кремля и были окованы железными полосами, покрытыми оловом. Изнутри — там, где ворота открывались и закрывались — были вбиты в землю два огромных толстых бревна и в них [проделаны] большие отверстия, чтобы через них мог пройти засов; засов этот [когда ворота были открыты] уходил в стену, а когда ворота закрывались, его протаскивали через отверстия бревен до противоположной стены. Ворота были обиты жстью. На них было два резных /об./ разрисованных льва — вместо глаз у них были пристроены зеркала; и еще — резной из дерева черный двуглавый орел с распростертыми крыльями. Один **[108]** [лев] стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой такой же смотрел во двор. Между этими двумя львами стоял двуглавый черный орел с распростертыми крыльями и грудью в сторону земщины.

На этом дворе (in diesem Gebeuw!) были выстроены три мощных постройки и над каждой наверху на шпиге стоял двуглавый черного цвета орел из дерева, с грудью, обращенной к земщине.

От этих главных построек шел переход через двор до юго-восточного угла.

Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью (Sommerhaus) вровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на пол-сажени ниже для [доступа] воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал. Перед хорами был **/32/** погреб, полный больших кругов воску.

Такова была особая площадь великого князя. В виду сырости она была засыпана белым песком на локоть в высоту. Южные ворота [— калитка] были малы: только один и мог в них въехать или выехать.

Здесь были выстроены все приказы и ставились на правож должники, которых били батогами или плетьюми, пока священник не вознесет за обедней даров, и не прозвонит колокол. Здесь подписывались все челобитья опричников и отсылались в земщину, и что было здесь подписано, то было уж справедливо и в силу указа в земщине тому не перечили. Таким образом [...].

Снаружи слуги (Jungen) князей и бояр держали их лошадей: когда великий князь отправлялся в земщину, то [верхом] они могли следовать за ним только вне двора (auswendigk).

Через восточные ворота князья и бояре не могли следовать за великим князем — ни во двор, ни из двора: [эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней.

Так далеко простирались постройки на юг. Дальше была калитка, изнутри забитая гвоздями. На западной стороне ворот не было; [там была] большая площадь, ничем не застроенная.

На севере были /об./ большие ворота, обитые железными полосами, покрытыми оловом. Здесь находились все поварни, погреба, хлебни и мыльни. Над погребами, где хранился разных сортов мед, а в некоторых лежал лед, были сверху надстроены большие сараи (Gemecher) с каменными подпорами из досок, прозрачно [109] прорезанных в виде листвы. В них подвешивалась всякая дичь и рыба, которая шла, главным образом, из Каспийского моря, как то: белуга, осетр, севрюга и стерляди (pelugo, averra, seurina und scorleti). Здесь была калитка, чтобы с поварен, погребов и хлебен можно было доставлять еду и питье на правый [великокняжеский] двор. Хлеб, который он [великий князь] ест сам, — несоленый.

Здесь были две лестницы [крыльца] (Treppen); по ним можно было подняться к большой палате. Одна из них была против восточных ворот. Перед ними находился маленький помост, подобный четырехугольному столу: на него всходит великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоилась крыша и стропила. Столбы и свод были украшены резьбой под листву.

Переход шел кругом всех покоев и до самых стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев /33/ по стенам в церковь, которая стояла вне ограды перед двором на востоке. Церковь эта была выстроена крестообразно и фундамент ее шел вглубь на 8 дубовых сваях; три года она стояла непокрытой. У этой церкви висели колокола, которые великий князь наградил и отобрал в Великом Новгороде.

Другая лестница [— крыльцо] была по правую руку от восточных ворот.

Под этими двумя лестницами и переходами держали караул 500 стрелков; [они же несли] и все ночные караулы в покаях или палате, где великий князь обычно ел. На южной стороне ночью держали караулы князья и бояре.

Все эти постройки были из прекрасного елового леса; вырубался он в так называемом Клинском лесу, около которого лежит посад того же имени и ям — в 18 милях от Москвы по большой дороге в Тверь и Великий Новгород.

Палатные мастера или плотники для этих прекрасных построек пользуются только топором, долотом, скобелем и одним инструментом в виде кривого железного ножа, вставленного в ручку.

/об./. Когда татарский царь Девлет-Гирей приказал запалить слободы и подгородние (auswendige) монастыри, и один монастырь [действительно] был подожжен, тогда трижды ударили в колокол, еще и еще раз... — пока огонь не подступил к этому

крепкому двору и церкви. Отсюда огонь перекинулся на весь [110] город Москву и Кремль. Прекратился звон колоколов. Все колокола этой церкви расплавились и стекли в землю. Никто не мог спастись от этого пожара. Львы, которые были под стенами в яме, были найдены мертвыми на торгу. После пожара ничего не осталось в городе (in alien Regimenten und Ringkmauren) — ни кошки, ни собаки.

Так осуществились пожелания земских и угроза великого князя. Земские желали, чтобы этот двор сгорел, а великий князь грозился земским, что он устроит им такой пожар, что они не сумеют его и потушить. Великий князь рассчитывал, что и дальше он будет играть с земскими (mit den Semsken spielen) так же, как начал. Он хотел искоренить неправду правителей и приказных (der Regenten und Befehlichshaber) страны, а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было оставаться в стране /34/ [ни] роду, [ни племени]. Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа (die Semsken Herren) вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор сгорел, чтобы опрочнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и пожеланиям. Тогда всемогущий бог послал эту кару (Mittel), которая приключилась через посредство крымского царя, Девлет-Гирея.

С этим пришел опрочнине конец (darmit nam Aprisnay ein Ende) и никто не смел поминать опрочнину под следующей угрозой: [виновного] обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опрочники должны были возратить земским их вотчины. И все земские, кто [только] оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опрочниками,

На следующий год, после того, как была сожжена Москва, опять пришел крымский царь полонить (einzunehmen] Русскую землю /об./. Воинские люди великого князя встретили его на Оке, в 70 верстах или по-русски в "днище" (Tagereise) от Москвы.

Ока была укреплена более, чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высоту, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми (Knechten) князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами или шанцами и стрелять [из-за них] по татарам, когда те переплывали реку. [111]

На этой реке и за этими укреплениями русские рассчитывали оказать сопротивление крымскому царю. Однако, им это не удалось.

Крымский царь держался против нас на другом берегу Оки. Главный же военачальник крымского царя, Дивей-мурза, с большим отрядом переправился далеко от нас через реку, так что все укрепления оказались напрасными. Он подошел к нам с тыла от Серпухова.

Тут пошла потеха (erhup sich das Spil!). И продолжалась она 14 дней и ночей. /35/ Один воевода за другим непрестанно билась с ханскими людьми. Если бы у русских не было гуляй-города (Wagenborgk) 58, то крымский царь побил бы нас, взял бы в плен и связанными увел бы всех в Крым, а Русская земля была бы его землей.

Мы захватили в плен главного военачальника крымского царя Дивей-мурзу и Хаз-булата. Но никто не знал их языка. Мы [думали], что это был какой-нибудь мелкий мурза. На другой день в плен был взят татарин, бывший слуга Дивей-мурзы. Его спросили — как долго простоит [крымский] царь? Татарин отвечал: "Что же вы спрашиваете об этом меня! Спросите моего господина Дивей-мурзу, которого вы вчера захватили". Тогда было приказано всем привести своих пленников. Татарин указал на Дивей-мурзу и сказал: "Вот он — Дивей-мурза!". Когда спросили Дивей-мурзу: "Ты ли Дивей-мурза?", тот отвечал: "Нет! я мурза невеликий!". И вскоре Дивей-мурза дерзко и нахально сказал

князю Михаилу Воротынскому и всем воеводам: "Эх, вы, мужичье! Как вы, жалкие, осмелились тягаться с вашим господином, с крымским /об./ царем!". Они отвечали:

"Ты [сам] в плену, а еще грозишься". На это Дивей-мурза возразил: "Если бы крымский царь был взят в полон вместо меня, я освободил бы его, а [вас], мужиков, всех согнал бы полоняниками в Крым!". Воеводы спросили: "Как бы ты это сделал?". Дивей-мурза отвечал: "Я выморил бы вас голодом в вашем гуляй-городе в 5 — 6 дней". Ибо он хорошо знал, что русские били и ели своих лошадей, на которых они должны выезжать против врага. Русские пали тогда духом.

Города и уезды Русской земли — все уже были расписаны и **[112]** разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; [было определено] — какой кто должен держать. При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим: они были посланы турецким султаном (Keiser) по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю /36/.

Нагаи, которые были в войске [крымского] царя, были недовольны тем, что добыча поделена не поровну, потому что они помогали царю жечь [Москву] в прошлом году.

Как и в прошлом году, когда спалили Москву, великий князь опять обратился в бегство — [на этот раз] в Великий Новгород, в 100 милях от Москвы, а свое войско и всю страну бросил на произвол судьбы.

Из Великого Новгорода великий князь отправил нашему воеводе, князю Михаилу Воротынскому, лживую грамоту (falsche Brife): пусть-де он держится крепко, великий князь хочет послать ему в помощь короля Магнуса и 40.000 конницы. Грамоту эту перехватил крымский царь, испугался и обробел и пошел назад в Крым.

Все тела, у которых были кресты на шее, были погребены у монастыря, что около Серпухова. А остальные были брошены на съедение птицам.

Все русские служилые люди (Knesen und Boiaren) получали придачу к их поместьям (warden ihre Landguter gemehret oder verbessert) ⁵⁹, если были прострелены, посечены или ранены спереди. А у тех, которые были /об./ ранены сзади, убавливали поместий и на долгое время они попадали в опалу. А те, которые были совершенно искалечены от ран так, что становились калеками, те назначались чиновниками (zu Amptleuten) в города и уезды и вычеркивались из воинских смотренных списков. А здоровые приказные (Amptleute) из городов и уездов расписывались на места калек. Княжеским или боярским сыновьям, **[113]** достигшим 12-летнего возраста, также раздавались поместья, и они также записывались в смотренные списки. Если лично они не объявлялись на смотре, их наказывали так же, как и их отцов. Никто по всей стране не свободен от [службы], даже и тот, кто ничего не получает от великого князя.

Затем были убиты два военачальника — князь Михаил Воротынский и Микита Одоевский.

Хотя всемогущий бог и наказал Русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе (Regierung) — одна вера /37/, один вес, одна мера! Только он один и правит! Все, что ни прикажет он — все исполняется и все, что запретит — действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне.

И как долго продержится это правление — ведомо богу вседержителю!

Как великий князь завоевал и добыл Казань и Астрахань.

Великий князь приказал срубить город с деревянными стенами, башнями, воротами, как настоящий город; а балки и бревна переметить все сверху донизу. Затем этот город был разобран, сложен на плоты и сплавлен вниз по Волге, вместе с воинскими людьми и крупной артиллерией. Когда он подошел под Казань, он приказал возвести этот город и заполнить все [укрепления] землей (mit Grund und Erden); сам он возвратился на Москву, а город этот занял русскими людьми и артиллерией /об./ и назвал его Свяжском.

Так казанцы лишились свободного пути и постоянно должны были биться и сражаться с русскими.

Великий князь вновь собрал великую силу и подошел опять к Казани; вел подкопы и взорвал их. Так взял он город, а [казанского] хана-царя Шигалея ⁶⁰ взял в плен и отдал воинским людям город, как добычу (preis).

Город был разграблен. Жителей убивали, выволакивали и [114] обнаженные трупы складывали в большие кучи. Затем убитым связывали вместе, ноги внизу у щиколоток; брали длинное бревно, насаживали на него трупы ногами и бросали в Волгу по 20, 30, 40 или 50 [трупов] на одном бревне. Так и спускались вниз по реке эти бревна с трупами. Они висели на бревне под водой, и только ноги оттуда, где они были связаны вместе, торчали вверх над бревнами.

Это видел астраханский царь и опасался, как бы и астраханцам не были связаны так же ноги. Он испугался и ушел к крымскому царю, а Астрахань оставил незащищенной. Русские пришли и заняли Астрахань воинскими людьми и артиллерией.

Великий князь вернулся в /38/ Москву, оставив в Казани и Астрахани у своих воевод много золотых вещей, серебра и золота и различных шелковых материй.

Хотя эти два царства и были взяты, но оставалось еще много мурз, князей или фюрстов, живших в этих царствах, которые [по прежнему] были [независимы] в своих землях. Этим не легко было покорить, ибо страна раскинулась далеко и широко, как [например] луговые и нагорные черемисы.

В обоих городах — в Казани и в Астрахани — русские воеводы завязывали дружбу с некоторыми татарами, звали их в гости и дарили их золотыми вещами и серебряными чарками, как если бы [эти татары] были высокого рода или чина, и отпускали их обратно в их земли, с тем, чтобы они показывали другим подарки великого князя — [тем], которые не думали даже и подчиняться великому князю, а не то, чтобы служить [ему]. Видя, однако, что их людям даже и много более низкого происхождения, нежели они, выпали такая великая честь и подарки от воеводы и начальных людей, [знатные татары] думали, что они [получат еще больше] /об./. На это-то и рассчитывали начальные люди в Казани и Астрахани. Они послали просить к себе всех знатнейших мурз-князей, т. е. фюрстов: пусть те придут и получат милость и подарки великого князя. Знатнейшие мурзы пришли в Казань, были хорошо приняты и думали, что им будет то же, что и их предшественникам, что, получив подарки, они смогут вернуться домой. Но, когда они, выпив слишком много вина и меда, — к чему не так они были привычны, как русские, — достаточно опьянели, пришло несколько сот стрелков и перестреляли этих татарских гостей, которые [у себя] были самыми знатными. [115]

Так великий князь привел в послушание оба царства, пока крымский царь не пришел и не спалил ему Москвы.

Тогда поднялся народ из обоих царств и отправился в страну великого князя, пожег много незащищенных городов и увел /39/ с собой великое множество русских

полоняников, не считая тех, которые были убиты на смерть. Думают, что это удалось им только потому, что крымский хан спалил великому князю Москву.

На другой год хан опять пришел из Крыма, чтоб захватить Русскую землю. Он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспошлинно, ибо он царь и государь всея Руси (Keiser und Herr uber ganz Russland).

Но так как татарский царь ошибся [в своих расчетах], то все эти купцы были ограблены [русскими] в Казани и Астрахани. У них было найдено так много товаров и [столь] различных, что русские даже и не знали, что это за товары! Да так и не узнали.

Хотя войско его величества короля шведского стояло тогда под Везенбергом, великий князь все же отправился сам [против татар] со своими воинскими людьми. Приехав на границу, он послал в Казань и Астрахань спросить, что же думают они делать и хотят ли они быть у него в послушании, или нет. Если они хотят быть ему послушными, то пусть захватят всех начальных людей, которые начали эту игру /об./. А коли нет — он пойдет на них со всем своим войском и уничтожит их. И пусть они отпустят еще на свободу всех русских.

Тогда пришли [к нему] многие из начальных людей, которые не участвовали в этом замысле и заявили от имени своей земли, что они готовы захватить главарей, и пусть великий князь пошлет за своими русскими пленниками и всех их выведет.

Великий князь послал вывести обратно на Русскую землю всех русских полоняников и приказал перебить татар. Начальных же людей он приказал разорвать на согнутых деревьях, а иных посадить на кол. Это было в назидание всей земле.

Земля великого князя так расположена среди других, что ему нет возможности наступать на турка, так как он не может к нему пройти. **[116]**

На восток лежит Нагайская земля. На юго-востоке — Черкасская земля, заморская Персия-кизильбаши, Бухара, Шемаха. На юге — Крым; к югу (suedwärts) — Литва с городом Киевом. На западе — Польша. На севере — Швеция, Норвегия и описанное выше западное Поморье /40/ с Соловецким монастырем. На северо-востоке: самоеды, Мунгазея и Тахчеи.

Нагаи — вольные люди, без царей, королев и государей. Раньше они служили обычно великому князю за повольный грабеж в Литве, Польше, Лифляндии и по границам Швеции. Когда крымский царь жег Москву великого князя, с ним было 30.000 нагайской конницы. Раньше из года в год они пригоняли в Русскую землю великое множество лошадей на продажу — в одном табуне, при чем великий князь получал каждую десятую лошадь в виде таможенной пошлины. А если он хотел получить сверх того, то стоимость тех [лошадей] определялась целовальниками и оплачивалась [казной].

Из Черкасской земли великий князь взял себе в жены дочь князя Михаила (!) Темрюковича **61**. Этот также был с крымским царем, когда тот жег Москву.

Персия-кизильбаши, Бухара, Шемаха — все эти страны постоянно торгуют с Русской землей. Обычный их товар — золотые изделия, разных сортов шелковые ткани, пряности и многое другое (allerlei genug). Великий князь ото всего получает Ую часть в виде таможенной пошлины.

Против этого [крымского] царя великий князь из года в год должен держать своих воинских людей на Оке /об./. Раньше его войско встречало царя у Великого Дона и Донца, у дикого поля, между Крымом и Казанской землей.

Если бы даже великий князь и смог пройти через Литву около города Киева, все-таки он не мог бы нанести удара турку.

Дума великого князя такова, чтоб в Немецкой земле управляться ему так же, как управлялся он с Казанью и Астраханью, в Лифляндии и в Литве, в городе Полоцке.

Под Полоцк великий князь подошел с большим войском и артиллерией. В лагерь к великому князю вышло из города духовенство с крестами, иконами и хоругвями и город сдали вопреки воле наместника Довойны. Великий князь вызвал из города все рыцарство и воинских людей. Их таким образом [117] разъединили, а затем убили и бросили в Двину. С евреями, которые там были, случилось то же самое, хотя они и предлагали великому князю много тысяч флоринов выкупа. Евреи держат в Литве все кабаки и таможи.

Бедный люд замерзал и умирал от голода. /41/ Мещане (Burger) вместе с женами и детьми были развезены по нескольким городам Русской земли. Наместник Довойна был отвезен в Москву в тюрьму. Но через несколько лет он был дан на размен против одного русского князя 62. Тогда он вырыл тело своей супруги, похороненное на немецком кладбище [в] Наливках за городом, и увез его с собой в Польскую землю.

Мещане, равно как и многие из дворян, вместе с женами и детьми жили несколько лет по тюрьмам, закованные в железа, залитые свинцом. Когда же великий князь вместе со своими опричниками осаждал (uberzoch) некоторые города [в Лифляндии], все они были убиты вместе с их женами и детьми. И всем еще для устрашения были отсечены ноги, а [тела их] брошены потом в воду.

Великий князь давно склонялся к мнению, что следует поддерживать дружбу с римским императором, пока не перезовет он в свою страну всякого рода мастеров и воинских людей — столько, чтобы с их помощью оказать сопротивление, крымскому царю. А еще его дума такова: подбить Римскую империю на войну с Польшей. Он и хотел это учинить /об./ как раз тогда, когда польский король стоял под городом Гданском. В то время [великий князь] забирал остальную Лифляндию. Что тогда учинил он с лифляндцами — кто не знает этого, может узнать при желании.

Когда же Римская империя напала бы на Польшу, великий князь взял бы тогда город Вильну в Литве, чем и приблизил бы [свою] границу к Немецкой земле.

У самоедов нет государей; люди они дикие, питаются рыбой, птицей и мясом оленей. Они же стреляют и ловят в своей стране соболей, приносят их на продажу русским и выменивают на сукно, котлы, сало, масло, панцыри и толокно. Съезд бывает в Пустоозере, лежащем в глухом месте. С их земли великий князь получает ежегодно много соболей в дань. Земля их лежит приблизительно в 700 милях от Москвы. Имя теперешнего [118] сборщика дани с [самоедской] земли — Петр Вислоухий. Он не может требовать с этих народов ничего сверх того, что они дадут ему [сами] по доброй воле.

Мунгазея также не имеет государей; люди здесь также ловят соболей и другое.

/42/ Тахчеи совсем пусты. В этой стране нет совсем никакого народа. Говорят, что в римские времена ссыльных посылали именно в эту страну.

Его королевское величество Иоганн III шведский послал в Лифляндию под замок Везенберг шотландских, шведских и немецких воинских людей, конных и пеших (zu Pferd und zu Ross!), с пушками, зельем и всем необходимым для того, чтобы добыть и взять его. Когда же перед приступом обстреливали замок, между шотландцами и немцами начались раздоры; они били и побивали друг друга и много их осталось на месте. Это пришлось по вкусу русским в замке и было им очень на руку. Ведь ежели войско великого князя сдаст город, замок или бург, и оставшиеся в живых попадают в Русскую

землю, все равно всех их убивают, а с ними и тех, кто был поручником по стрелкам. Если же они перейдут на сторону врага, то, как они хорошо знают, их там не мало не почитают; а так как [в таком случае] они поступают противу присяги /об./, то в Русской земле по всем праздникам поминают их в церквах на вечное проклятие. Вот почему [тогда] русские говорили [о шотландцах и немцах]: "собака собаку и съела" (Scabacka scabaka isiel). Таким образом войско королевского величества должно было отступить с позором, и предприятие его не осуществилось (und bleib res infacta).

Великий князь пожаловал всех своих в замке Везенберг, в особенности же наместника и немецкого толмача Симона Керкелинга: последний получил от великого князя два лучших немецких коня, 400 (!) рублей денег (Rubel Denninge), 400 четвертей (Scetwerten) поместья. Ему же был дан на выбор лучший двор в Нарве, в Лифляндии.

Наместнику и воеводе великий князь за его верную службу пожаловал пошрины со всего Каргопольского уезда сроком на 3 года.

Эту новость узнали каргопольцы, собрали некоторую сумму денег и купили два лучших двора — один рядом с другим и устроили так, что можно было внутренним переходом (inwenzigk) **[119]** из одного двора пройти в другой. Двор, в котором раньше жила наместники /43/, подгнил и завалился. [Прежде] по всей стране — по всем городам и посадам — дворяне бывали наместниками и [каждый] в течение двух или трех лет чинил суд и управу. Со времени же ливонской войны великий князь это отставил и поручил суд присяжным (Geschwornen), так как он не хотел отвлекать дворян от войны.

Когда наместник прибыл в Каргополь, он остановился в обоих закупленных дворах: один был для его княгини, другой для него и его слуг. Вот тут и начал наместник, доправляя с каргопольцев, ставил их на правож (auf die Prob) и приказывал ежедневно бить их батогами за то, что они не доглядели за наместничьим двором.

Каргопольцы тайно посылали в Москву жаловаться. Однако, ничего они не добились. Наместник же, узнав об этом, послал по всему уезду к священникам приказ — не венчать в церквах никого прежде, чем не будет уплачено 20 алтын, что составляет 60 мариен-грошей. Ко всем сотским (Sotnecken), т. е. к начальным людям в сохах, он также послал приказ, что со всех, кто будет варить пиво, должно взимать с /об./ каждой бочки русскую гривну (Markt), что составляет 10 мариен-грошей. Каргопольские [посадские] и все [уездные] "сохи" сговорились все и послали на Москву бить челом самому великому князю. Но опять-таки ничего не добились. Об этом узнал наместник. Он разослал тогда по всем дорогам заставы и приказал занять все перекрестки и задерживать всех, кто шел с Поморья с солью и семгой к Москве. Не могли ездить купцы и из Москвы в Поморье с другим товаром. Наместник приказывал ото всех товаров отбирать то, что придется ему по вкусу. Он вознамерился даже по всему Поморью ограбить всех торговых людей и крестьян. Но все сохи [тогда] сложились (legten sich alle Shogen) и порешили сопротивляться силой силе.

Итак, за три года немного было сварено пива в Каргопольском уезде, хотя на св. Николая по всей стране дозволено иметь в доме пиво.

По всей стране — по городам и деревням — запрещены (vorgunnet) кабаки. Но добрые друзья в складчину варят пиво и по праздникам (uf heilige Tage) собираются вместе с женами/44/; это называется у них братчиной (Pratzina), т. е. Bruderschaft.

Не было радости и на свадьбах. С Поморья не привозилось **[120]** ни семги, ни соли. И из Москвы в Поморье к приезду англичан не провозилось никаких товаров **63**.

За три года насильством наместник собрал много денег и добра. А когда бы он дружески обходился с торговыми людьми и крестьянами, он собрал бы и денег, и добра в десять раз больше, ибо Каргопольский уезд велик, и живут в нем большей частью торговые

люди и крестьяне. На восток Каргопольский уезд простирается до Вологодского; на юг — до Белозерского; на запад — до Карелии; на север — вниз по всему течению реки Онеги до Белого моря (Westsehe!). Всего на 56 немецких миль пути.

Если кто-нибудь — безразлично кто, но только не еврей — приходит на русскую границу, его тотчас же опрашивают — зачем он пришел. Скажет он, что хочет служить великому князю, его опять спрашивают о различных обстоятельствах. Все его сообщения и речи тайно записываются и запечатываются. А его самого немедленно /об./ отправляют на ямских с дворянином (mit einen Voïaren) к Москве, [куда доставляют его] в 6 или 7 дней. В Москве его снова тайно и подробно спрашивают обо всех обстоятельствах, и если его показания согласуются с тем, что он говорил (geret!) на границе, ему дают тем большую веру и жалуют его. Не смотрят ни на лицо, ни на одежду, ни на знатность, но ко всем его речам относятся с большим вниманием. В тот самый день, когда он приходит на границу, ему выдаются еще деньги на корм до Москвы. В Москве также в день приезда выдают ему кормовую память (Kormawa rammet), т. е. записку о кормовых деньгах.

В Москве устроен особый двор, где ставят мед вареный и невареный. Здесь все иноземцы (alle frembden Nationen) ежедневно получают свои кормовые деньги согласно с памятью — один больше, другой меньше.

Ему же выдается память в Поместную избу или приказ о том, что великий князь пожаловал ему 100, 200, 300 или 400 четвертей (Setwerten) поместья. ⁶⁴ И [уже сам иноземец] должен приискивать [себе поместье] и спрашивать там и здесь, где, какой дворянин умер без наследников или убит на войне. В таких случаях [121] вдовам давалось немного на прожиток (zum Underhalt). Затем иноземцу отделялось по книгам по его указанию. Озимое он получает в земле, а для покупки семян на яровое ему даются деньги. Еще некая сумма денег жалуются ему на обзаведение. Вместе с тем [жалуются ему] платье, сукно и шелковая одежда, несколько золотых, кафтаны, подбитые беличьим мехом или соболями. А когда иноземец снимал жатву, с него вычитывали кормовые деньги.

До пожара Москвы великий князь давал обычно иноземцу двор на Москве; теперь же ему дают [дворовое место в] 40 саженой длины и ширины на Болвановке за городом, если только он из конных немецких воинских людей: пешие в счет не идут. Это место ему огораживается, и иноземец волен здесь строиться, как ему угодно. Если же он попросит у великого князя на постройку дома, ему по его ходатайству выдается еще кое-что. Во дворе он волен держать и кабак: русским это запрещено, у них это считается большим позором.

[Иноземец] имеет еще годовое жалованье /об./ ⁶⁵ и по всей стране свободен от таможенных пошлин (zollfrei) вместе со своими слугами.

Раньше некоторым иноземцам великий князь нередко выдавал грамоты в том, что они имеют право не являться на суд по искам русских, хотя бы те и обвиняли их, кроме двух сроков в году: дня рождества Христова и Петра и Павла. В грамоте писалось еще имя особого пристава (Pristawe), который [только] и мог вызывать на суд иноземца в эти два праздника [...] werden nicht recht gesezet ⁶⁶. А если приходил другой пристав, имени которого не значилось в грамоте, и требовал иноземца на суд, то иноземец был волен на своем дворе приставу этого бить, [одним словом] обойтись с ним по своему желанию. Если пристав жаловался на иноземца, то сам же и бывал бит или [как-нибудь] иначе наказан.

Иноземец [же] имел право (Macht) [хоть] каждый день жаловаться на русских.

Так великий князь узнает все обстоятельства всех окрестных.

На св. Юрья осеннего (vor Weinachten) крестьяне имеют **[122]** свободный выход. Они живут или за (unter) великим князем, или за митрополитом или [еще] за кем /**46**/нибудь. Если бы не это, то ни у одного крестьянина не осталось бы ни пфеннига в кармане, ни лошади с коровой в стойле. Теперь некоторые крестьяне страны имеют много денег, но этим отнюдь не хвастаются. Крестьянин хочет ухорониться (will verteidigt sein), чтобы ему не чинили несправедливости.

Все крестьянские деревни разделены на сохи. Часто случается, что в одной и той же сохе два, четыре, пять [или] шесть дворян (Boiaren) имеют свою долю и участок, ибо один крестьянин живет здесь, а другой там, а списаны они все в одну соху. Соха имеет приблизительно 1000 моргенов **67** земли, считая лес, луга и озера (stehende Wasser).

Пример. Из Москвы к наместнику, в уезды, где есть именья иноземцев, приходит почта с грамотами, чтобы наместник объявил по сохам (den Ssogen), что великий князь собирается в поездку; при этом не говорится — "куда"; некоторые из тех, которые с ним едут, этого также не знают, пока не приедут туда, где [великий князь] хотел быть. "Сохи" (Scogen) не должны работать в такой-то день /**об.**/. Одна "соха" должна поставить 1 1/2 быка, стоит 1 1/2 рубля, что составляет 3 рейхсталера; 5 овец, стоят один алтын, один алтын составляет 3 мариенгроша; 2 диких гуся, каждый по 10 мариенгрошей; 4 пары голубей, одна пара стоит один мариенгрош; одна пара уток, стоит 6 мариенгрошей; 20 торговых фунтов масла, один фунт стоит один мариенгрош; 3 кружки (Mas) сметаны, одна кружка стоит 1/2 мариенгроша; 200 яиц, сотня стоит 3 мариенгроша; 4 кружки (Mas) молока, стоит 1 1/2 мариенгроша; 30 фунтов сала, один фунт стоит 1/2 мариенгроша; 10 Lisspunt меда, стоит 30 мариенгрошей; 12 сыров, один стоит 1/2 мариенгроша; 12 кур, одна пара стоит 3 мариенгроша; 5 торговых фунтов хмеля, стоят 1 1/2 мариенгроша; 20 кружек (Mass) земляники, стоит 1 1/2 мариенгроша; 7 кружек (Mass) вишен, чем подкрашивается мед, кружка стоит 5 мариенгрошей; 6 возов сена, стоит 16 мариенгрошей; 7 бочек (Топпен) овса, одна стоит 10 мариенгрошей. Пусть у иноземца в этих сохах 50 моргенов земли. Высчитай — что и сколько приходится на крестьянина, у которого 10 моргенов земли [и так], чтобы этим не учинилось неправды **[123]** для других крестьян. Некоторые сохи разделены на части: им легче (die habens besser). Сельские приказчики или фогты русских бояр считают всегда так, чтобы крестьяне иноземца /**47**/ несли всю тяжесть (die Last trugen). Оттого (so) поместье иноземца пустело в день св. Юрья.

В Русской земле счет ведут при помощи славянских косточек.

Точно также устроена пересылка по ямам или почтовым дворам варка селитры для изготовления пороха и т. п.

Когда пустело поместье иноземца, великий князь до трех раз давал [ему] другое, в котором жили бы крестьяне. Теперь же с великим трудом и то однажды иноземец может получить населенное крестьянами поместье. Причина: в большей своей части страна запустела.

Большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы. Те, что были русской веры и дружили с великим князем, те убиты; крещенных великий князь использует против некрещенных; некрещенных же против крещенных землевладельцев (Landherren) и их людей.

Иноземец — кем бы он ни был — волен в своей вере; он не может только принуждать своих русских слуг и служанок есть мясо великим постом (quattuor tempora), по средам и по пятницам.

/об./ Чтобы дойти до смертной казни, иноземцу не так-то легко провиниться. Только когда уличат его, будто он хотел бежать за рубеж, — тогда — да поможет ему бог! Его мастерство тогда ему не поможет, не помогут ему ни деньги, ни добро. И редко бывает, чтобы иноземец дерзнул бежать из страны, ибо дорога в страну широка и просторна (ist weit und breit), а из страны — узкая-преузкая (ganz enge). Разве только что прошел он в Москве ее “высшую” [приказную] школу — но ведь это невозможно. Как бы ни был человек искусен или научен, придя в Москву, он [это] узнает!

Доктор Елисей Бомелий пришел к великому князю во время великой чумы из Англии; получил много денег и добра и туго набил свой кошель. Затем, будто бы для отправки своего слуги в Ригу за некоторыми лекарственными травами, которых он не мог найти в казне, он просил у великого князя проезжую (Pas). Проезжую взял он себе и под видом слуги пустился в путь, обратив в золото все свои деньги и добро и зашив его в одежду. Приехав в город Псков на ям, он хотел купить /48/ рыбы на [124] торгу, где его узнали поговору, хотя он и был с остриженной [небритой] бородой. Русские отыскали его гульденны, а самого милейшего доктора повезли обратно в Москву, в железах, залитых свинцом.

Когда на границу приходит торговый человек, его товары осматриваются наместником и дьяком. И если они полагают, что великий князь то-то и то-то купит, то они отправляют к нему на ямских и пишут, что из такой-то страны идет торговый человек и что он имеет при себе такие-то товары и предлагает их по такой-то цене. И если эти товары нужны великому князю, то торгового человека вместе с товарами отводят на ям (uf der Post) и приставляют к нему пристава, как будто бы для охраны его, чтобы не утащили у него его добра. Но [в действительности] охраняют его так для того, чтобы не мог он попасть во все закоулки и осмотреть все, что [ему] нужно в городах и по дорогам.

Если приходит посол, ему навстречу высылают на границу много народу. До того места, где великий князь пожелает дать послу /об./ аудиенцию, посла везут кружным путем и там, где живут крестьяне, чтобы он не узнал прямого пути и того, что страна [великого князя] так опустела. Посол и его слуги охраняются так тщательно, что ни один иноземец не может к нему пройти. Часто два, три посла приходят в одно и то же место — туда, где великий князь захочет их выслушать. Но они охраняются так строго, что один посол ничего не знает о другом. И ни одного посла великий князь не выслушает до того, пока не будет знать, что сказать в ответ [не только этому первому], но и второму, и третьему, и четвертому послу. Так, великий князь умеет узнавать положение всех окрестных государей и их стран. Но его и его страны состояние не может правильно узнать ни один соседний государь.

[...] ⁶⁸ Торопец — город, выстроенный целиком из дерева. Здесь в одном болоте и озере берут свое начало большая русская река Волга и река Двина. От Торопца Волга течет к городу Ржеве Володимирове, далее к городу Торжку ⁶⁹ (!), и Старице. В этом [125] уезде дали мне, Генриху Штадену, Андрей Холопов и Рудок и Меньшик поместья и вотчины князя Depelenski. ⁷⁰ Здесь хозяйничал князь Володимир Андреевич, на дочери которого женат герцог Магнус /49/. Потом [Волга течет] на Тверь, далее на Корчеву, затем на Кимры. Здесь [в Старице] великий князь хотел отстроиться, как в Александровой слободе. Потом к Угличу и на Мологу, где бывал большой торг. Дальше лежит Рыбная Слобода, потом Романов. Этот посад отдан татарам. Потом лежит Ярославль, потом город Кострома. В этом уезде есть незащищенный городок с деревянным кремлем, по названию Любим: его-то и отдал великий князь дерптскому епископу и магистру Вильгельму Фюрстенбергу в кормление (zum Underhalt). Потом лежит Нижний Новгород, посад Балахна, здесь варят соль; далее лежит Свияжск — деревянный город, за ним Казань и Астрахань. Здесь Волга 72 устьями впадает в Каспийское море.

Двина течет от Торопца на города Полоцк и Витебск ⁷¹. Этот город [Полоцк] теперь взят великим князем. Ниже этого города лежат ливонские дворы и замки, которые великий князь позабирал недавно (neuglich): Крейцбург, Динабург, Какенгаузен. Кирхгольм сравнен с землей. Потом лежит город Рига, 2 милями /об./ ниже Динамюнде. Как только этот замок будет взят великим князем, рижане, запертые с суши, не смогут уже пользоваться и морем. У великого князя есть и еще один путь через города и замки в Лифляндии по реке [Аа]: через Вольмар, Венден, Трейден, Зегевольд, Кремон. Таким образом, по этой реке великий князь сможет попасть под Ригу с крупной артиллерией.

Пути (Pasasie) или дороги на Москву крымского царя Девлет-Гирея. Сперва по дикому полю, затем подходит к Великому Дону, на Конские воды (?), далее в Рязанскую землю, к Донцу и крепости Туле. Отсюда у него три дороги на Русскую землю. Пойдет он по левую руку, он подходит к Белеву; пойдет посредине — к Калуге [и] Алексину; пойдет он по правую руку — он подойдет к реке Оке, к городу Серпухову, лежащему в одном дне пути от Москвы. Здесь войско великого князя ежегодно встречает крымского царя. До этого места [все] опустошено татарами. Отсюда еще 14 миль до города Москвы. **[126]**

[50]. Пути на Москву из Польши или Литвы: от Смоленска на Дорогобуж, от Дорогобужа на Великое поле (?); от Вязьмы на Ржеву Володимирову. До этого места до речки Война [земля] принадлежала короне польской. От Ржевы на Звенигород. Этот незащищенный город был отдан в кормление (zum Underhalt) казанскому царю Шигалею ⁷² после завоевания Казани и Астрахани. Потом [остается] еще 8 миль от города Москвы.

Другой [путь]: от Порхова на Торопец, потом на Великие Луки, далее на Старицу и Волок Ламский или на Осипов монастырь, потом на ям Ильинской, лежащий в 10 милях от Москвы.

[Путь из] Швеции: от Нотебурга, Выборга или Карелии отправляются на монастырь Пречистой Тихвинской. Монастырь остается далеко в стороне по правую руку. Потом подходят к большой дороге, которой купцы ездят от [Холмогор к Великому Новгороду. Далее подходят к большому незащищенному посаду — Андома, далее к Каргополю. Герман Флемминг, захваченный русскими, мог бы дать сведения об этом пути] ⁷³.

(пер. И. И. Полосина)

Текст воспроизведен по изданию: Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. М. и С. Сабашниковы. 1925

© текст - Полосин И. И. 1925
© сетевая версия - Thietmar. 2003
© OCR - Halgar Fenrirsson. 2003
© дизайн - Войтехович А. 2001
© М. и С. Сабашниковы. 1925

Комментарии

15 Мариенгрош — серебряная монета, чеканившаяся в пров. Ганновер с начала XVI в. до 1700 г.; по ценности = примерно 8 пфеннигам. В мариенталере: считали 36 мариенгрошей; в рейхсталере — 50; 1 мариенгрош = 1 коп. = 2 деньгам.

16 Недельщик, служитель при судной избе, обязанный доставлять на суд обвиняемых, за что получал с них по таксе известное вознаграждение.

17 Автор намекает на жестокое разорение Ливонии войсками Ивана Грозного.

18 Что означает Jamte — неясно. Из контекста видно, что дело идет об учреждении, из которого выдавался иноземцам мед; таковым мог быть Сытенный двор или Кормовой. Может быть, Jamte есть название урочища в Москве? Ср. л. 73.

19 Склейки.

20 Т. е. западноевропейским.

21 Михаил Темрюкович был братом царицы Марии. Ее отцом был Темрюк.

22 Не выводить дворян и горожан в Россию — было одним из условий сдачи Дерпта в 1558 г.

23 Написано по зачеркнутому "монахами".

24 После казней 1570—71 гг. очередному посольству в Литву царь Иван дал наказ: если спросят — зачем государь ваш казнил казначея Фуникова, печатника Висковатова, дьяков, детей боярских и подъячих многих? отвечать — о чем государственной изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государскими изменниками ссылались, о том бог нашему государю объявил; потому они и казнены.

25 Слона подарил царю Ивану персидский шах Тахмасп.

26 Соха — окладная единица Московского государства, служившая для определения окладов податей и для раскладки государственных и местных сборов и повинностей. Большая московская соха считалась для посадов и черных дворцовых, поместных, вотчинных и некоторых монастырских земель в 800 четей доброй земли, 1000 четей — средней и 1200 — худой. Для большинства монастырских земель — в 600 четей доброй земли. Ср. лл. 23 об. — 25, 43, 46.

27 "Юрьев день" — 26 ноября ст. ст. — обычный срок крестьянского выхода и вывоза. В тексте записок он упоминается еще дважды на лл. 45 об. и 47.

28 Может быть Щенятев?

29 После того, как был арестован в Любеке саксонец Ганс Шлитте (1547 г.), набравший для царя Ивана мастеров, техников, оружейников и ученых, царь Иван запрещал продавать военнопленных немцев в Германию и Польшу: их продавали туркам, и пленные расходились по азиатским рынкам.

30 В тексте неясно: Stadte in Potcleteni coeli. Подклетные села = дворцовые села, доходы с которых шли всецело на содержание двора.

31 Автор имеет в виду различные окладные единицы, бывшие в употреблении в различных областях Московского государства, Как-то: выти, обжи, луки и местные сохи и сошки различных размеров. Во второй половине XVI — начале XVII в. они уступают место официально признанной однообразной большой московской сохе, размеры коей колебались в зависимости от качества земли (800-1000 — 1200 четей).

32 Китай-город.

33 Красная площадь.

34 Собор Покрова на Рву (церковь Василия Блаженного).

35 Фроловские; с 1658 г. Спасские.

36 Св. Константина и Елены.

- 37** Архангельский собор.
- 38** Благовещенский собор.
- 39** Большая набережная палата.
- 40** Малая набережная палата.
- 41** Средняя или Большая Золотая палата.
- 42** Красное крыльцо.
- 43** Успенский собор.
- 44** Позже "Патриарший двор" и еще позже — синодальный дом.
- 45** Троицкие ворота.
- 46** Никольские ворота.
- 47** Иоанна Лествичника — постройки итальянца Бона-Фрязина 1505 г. На ее месте в 1600 г. отстроен "Иван-Великий".
- 48** Звонница Петрока Малого, выстроенная в 1532 г. для 1000-пудового колокола.
- 49** Автор имеет в виду 1 сентября — день Симеона Столпника — "Летопроводца". С 1700 г. новый год считается с 1 января.
- 50** Упоминаемые выше Никольские ворота.
- 51** Т. е. Китай-города.
- 52** Владимирские ворота.
- 53** Ильинские ворота.
- 54** Варварские ворота.
- 55** На Варварке.
- 56** Китай-город.
- 57** Посольству Умного Колычева, отправлявшемуся в Литву в 1566 г., был дан наказ: если спросят, для чего государь ваш велел поставить двор за городом? отвечать — для своего Государского прохладу! Литовскому гонцу, Федору Юршу (апрель 1566 г.), было разъяснено — "волен государь: где похочет дворы и хоромы ставить, туто ставит. От кого ся государю отделивати?"
- 58** Гуляй-город — подвижное деревянное укрепление, двигавшееся посредством лошадей. {Обычно в Европе вагенбургом именовали приспособленный для обороны обоз. Да и по смыслу оно лучше подходит. — HF}
- 59** Автор хорошо отметил двоякий способ пожалования служилого человека за службу: или путем действительной прирезки земли или же путем "одабривания" поместной дачи, т. е. качественной ее переоценки. Поместная земля могла быть или "худой", или "средней" или "доброй". Если служилый человек был испомещен на "средней" земле, то при одабривании каждые 125 четвертей считались лишь за 100 четвертей; 150 четвертей худой земли шли также за 100 четвертей.

60 Последним казанским царем был Едигей, взятый в плен при завоевании Казани. Шигалей был его предшественником на казанском престоле, на котором он сидел в качестве московского вассала; не будучи в состоянии удержаться у власти, Шигалей бежал из Казани в Москву.

61 Автор путает Темрюка, отца Марии с ее братом Михаилом.

62 Кн. Василия Ивановича Темкина-Ростовского в 1567 г.

63 Порядок немецкого текста, видимо, перебит и в переводе исправлен.

64 Русская "четырь,, (четверть) — ? десятины.

65 В копии печатаемых записок, полученной из Ганноверского архива, не помечен "л. 45".

66 Текст неясен и, видимо, испорчен.

67 Автор имеет в виду польский морген = 1/2 десятины = русской чети.

68 Нижеследующие образцы представляют собою органическую часть проекта оккупации Московии и лишь случайно оказались в составе описания Московии. Ср. Mittheilungen aus der livl. Geschichte. Bd. XV, Heft 1 S. 128 — 129.

69 Правильнее к "Зубцову", но в тексте ясно читается "Torsoch".

70 Место не вполне ясное Ср. л. 73.

71 Порядок перепутан; следует "на Витебск и Полоцк".

72 Царю Шигалею был дан не Звенигород, а Касимов. В Звенигороде сидел Дербыш Али — бывший астраханский царь.

73 Текст испорчен. Исправное чтение дано по Mittheilungen aus der livlandischen Geschichte. Bd. XV. Heft. 1. S. 129.